

На правах рукописи

Калимуллина Лариса Айратовна

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭМОТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ МАТЕРИАЛА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

УФА – 2006

Работа выполнена на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Васильев Леонид Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Вендина Татьяна Ивановна**

доктор филологических наук,
профессор **Илюхина Надежда Алексеевна**

доктор филологических наук,
профессор **Хайруллина Райса Ханифовна**

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

Защита состоится 28 декабря 2006 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.013.02 в Башкирском государственном университете по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32, филологический факультет, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан 24 ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

/В.Л. Ибрагимова/

Реферируемая работа **посвящена** анализу семантической эволюции эмотивов (имен эмоций) в русском языке на протяжении ряда веков, начиная с древнерусского периода и заканчивая этапом формирования и функционирования современного русского языка. При этом эмотивная лексика, рассматриваемая как системно организованное семантическое множество, исследуется, во-первых, в проекции на более раннее (доисторическое) языковое состояние (с опорой на праславянский и отчасти индоевропейский лексический материал), во-вторых, с учетом данных современных славянских языков. **Актуальность** нашей работы определяется необходимостью уточнения языковой категории эмотивности с учетом достижений современной лингвистики, а также многоаспектного исследования языковых единиц, обозначающих основные виды и классы эмоций.

Целью данного диссертационного сочинения является комплексный, интегративный анализ семантики эмотивных лексем и фразеологизмов русского литературного языка в синхронном и диахроническом аспектах. Названная цель предопределяет постановку и решение следующих конкретных **задач исследования**:

1. Обобщение и критическое осмысление философской, психологической и лингвистической литературы по проблеме и определение исходной теоретической базы исследования, на основе которой осуществляется: 1) критический анализ современных исследовательских подходов к определению эмотивности и выявление специфической природы данной категории; 2) установление основных принципов взаимосвязи эмотивности с пограничными категориями экспрессивности и оценочности; 3) выявление способов репрезентации эмотивной семантики, в том числе частных (уровневых) механизмов языкового выражения эмоций; 4) характеристика закономерностей лексической экспликации эмоций и выбор критериев разграничения нескольких классов эмотивных лексем.

2. Установление основных тенденций семантической эволюции эмотивной лексики и фразеологии русского языка на протяжении XI–XX вв. в проекции на материал индоевропейского и общеславянского праязыков, а также современных славянских языков (болгарского, чешского, польского).

3. Анализ итогов семантического развития поля эмотивности в русском языке и последующая общая характеристика структуры данного множества в его синхронном состоянии.

4. Построение динамической модели содержательных изменений эмотивной лексики и фразеологии русского языка с учетом как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов, влияющих на данные процессы.

Методологическую базу нашего исследования составляют:

– положения философской и психологической теории эмоций о мотивирующей и организующей роли эмоциональных явлений в процессе жизнедеятельности человека (Платон, Аристотель, Р. Декарт, Б. Спиноза, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, В.К. Виллюнас, К. Изард, Я. Рейковский, С.Л. Рубинштейн, П.В. Симонов, К. Юнг и др.);

– тезис о системности языка как одном из основополагающих принципов его устройства и функционирования (А. Мейе, Ф. де Соссюр, Г. Гийом, Л.М. Васильев, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов и др.);

– положения лингвистической семантики о структуре языкового значения и его типологии, о полевой организации языковых множеств и принципах ее описания (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.М. Васильев, Р.М. Гайсина, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, А.М. Кузнецов, Э.В. Кузнецова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.);

– достижения современной лингвистики и психолингвистики в разработке проблемы языкового выражения эмоций (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев, А. Вежбицкая, Е.М. Вольф, А.А. Залевская, Н.А. Красавский, Е.Ю. Мягкова, Л.А. Пиотровская, В.И. Шаховский и др.);

– положения диахронической семасиологии о причинах и тенденциях семантической динамики языковых единиц (Г. Пауль, А. Мейе, М.М. Покровский, Г. Шпербер, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, С.С. Майзель, Ю.В. Откупщиков, О.Н. Трубачев, С. Ульманн, Д.Н. Шмелев и др.);

– разработка представителями различных лингвистических направлений и школ проблемы влияния неязыковых (гносеологических, социокультурных, этнических и т.д.) факторов на семантику языковых единиц и ее изменение (А.А. Потебня, Т.И. Вендина, Вяч. Вс. Иванов, С.Д. Кацнельсон, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, М.М. Маковский, В.Н. Телия, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров и др.).

Предметом исследования в данной работе являются словарные значения эмотивных единиц русского языка, рассматриваемые в их синхронном и диахроническом (эволюционном) аспектах. В качестве **объекта анализа** выступают лексико-фразеологические обозначения эмоций, представляющие собой множество языковых единиц, организованное по полевому принципу. **Материал** для исследования, общий объем которого составляет более 5000 единиц, был извлечен методом сплошной выборки из словарей различного типа: исторических, толковых, семантических, синонимических, антонимических, фразеологических словарей русского языка, толковых словарей славянских языков (болгарского, чешского, польского), двуязычных словарей, этимологических словарей, ряда коллективных монографий.

Решение указанных выше задач предполагает привлечение широкого спектра **методов исследования**. Прежде всего, в работе используются общенаучные исследовательские методы, в том числе анализ и синтез эмпирического материала; описательный метод, подразумевающий обобщение и последующую классификацию фактического материала; метод моделирования, позволяющий в эксплицитном виде представить наиболее значимые содержательные характеристики эмотивных лексем. При рассмотрении семантики эмотивов самыми действенными являлись внутрисистемные (структурные) методы, в том числе дефиниционный анализ, компонентный анализ, оппозитивный анализ, метод семантического поля. При исследовании исторической динамики эмотивных множеств, помимо структурных методов, использовались сравнительно-исторический и сопоставительный методы. По мере необходимости применялись также элементы словообразовательного, контекстуального и количественно-статистического анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые:

1) проводится интегративный синхронно-диахронический анализ эмотивной лексики и фразеологии русского языка, рассматриваемой с точки зрения ее системной организации;

2) осуществляется экстраполяция полевого принципа на макро- и микромножества эмотивов и дается развернутая характеристика состава и структуры данных множеств как в статическом, так и в динамическом аспектах;

3) построена модель последовательной семантической эволюции целостного пласта лексико-фразеологической системы русского языка;

4) выявлены основные закономерности семантического развития эмотивного фонда русского языка в течение десяти веков (XI–XX вв.) в проекции на доисторическое (праславянское и отчасти индоевропейское) языковое состояние и на материал современных славянских языков (болгарского, чешского, польского);

5) при анализе синхронного и диахронического аспектов поля эмотивности учитывается полный набор лексико-фразеологических наименований основных (базовых) эмоций.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что проведенный нами многоаспектный анализ эмотивной лексики может способствовать решению ряда дискуссионных вопросов современной лингвистической семантики (статус категории эмотивности и ее соотношение с пограничными категориями оценочности и экспрессивности; структура языкового значения и определение природы коннотативного компонента; принципы семантической классификации лексики; полевая организация лексико-фразеологических множеств и т.д.), исторической семасиологии и лексикологии (закономерности развития и функционирования лексической системы русского языка в целом и отдельных ее участков; экстралингвистические и внутриязыковые причины семантических изменений; системный/асистемный характер содержательной динамики языковых единиц; модели семантического развития лексико-фразеологических объединений полевого типа и т.д.), прагмалингвистики и психолингвистики (роль эмоциональных явлений в процессе речепорождения; специфика речевого, в том числе спонтанного, выражения эмоций; эмотивный прагматический потенциал языковых единиц и т.д.).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов работы в теории и практике вузовского преподавания: при разработке и чтении лекционных курсов по лексикологии русского языка, общему языкознанию, психолингвистике, спецкурсов по лексической семантике, исторической семасиологии, этимологии, лингвистике эмоций и т.д. Наблюдения над смысловой структурой эмотивов и критические замечания по поводу словарных дефиниций анализируемых единиц могут быть учтены в лексикографической практике при составлении толковых, исторических, синонимических, семантических словарей, концептуариев и т.д.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Вербальное отражение эмоций подчиняется особым закономерностям, к числу которых относятся: 1) внутриязыковая идентификация и дифференциация эмоциональных явлений, основанная на интерпретации «наивных» представлений

о них; 2) комплексный характер языкового выражения внутренних переживаний, проявляющийся в реализации инвариантной эмотивной функции на всех уровнях языка; 3) разграничение двух взаимосвязанных способов вербализации внутренних переживаний – «языка выражения» эмоций и «языка описания» эмоций. Первый предполагает закрепление эмоционального (психологического) содержания в семантике лексико-фразеологических единиц (обозначений эмоций), второй – его передачу с помощью типизированных синтаксических, интонационных и других средств, выбор которых обусловлен коммуникативными задачами, стоящими перед адресантом речи.

2. Эмотивность представляет собой таксономическую категорию, посредством которой осуществляется языковая категоризация чувственной сферы. Основным экспонентом категории эмотивности являются обозначения эмоций (эмотивы), совокупность которых образует семантическое множество полевого типа. По отношению ко всем периодам исторического развития эмотивной лексики можно вести речь о ее системной организации, которая проявляется в наличии иерархической (ядро-периферийной) структуры и ряда оппозиций, отражающих языковую интерпретацию различных аспектов эмоций: их субъективного качества (модальности), интенсивности, формы внешнего проявления и т.д. Системный характер носят также семантические процессы, обуславливающие количественные и качественные преобразования анализируемого поля. При этом изменения в содержании эмотивов, с одной стороны, подчиняются общим закономерностям развития словарного состава русского языка, с другой – характеризуются отчетливо выраженным своеобразием.

3. К числу специфических направлений исторической динамики эмотивов относятся такие сложно взаимодействующие тенденции, носящие стабильный характер, как: 1) частичное преодоление изначального синкретизма в семантике названий эмоций (в частности, диффузности их значения); 2) дифференциация и специализация собственно эмотивных и пограничных значений (экспликативного, каузативного, квалификативного и т.п.); 3) тенденция к нечеткости, размытости внешних и внутренних границ поля эмотивности, результатом чего является его активное взаимодействие с другими семантическими множествами и наличие большого числа вторичных наименований эмоций, образованных в соответствии с регулярными моделями семантической (метафорической) деривации типа «физиологическая/физическая сфера человека → эмоции», «социальная сфера человека → эмоции», «оценочная сфера → эмоции», «природный мир → эмоции»; 4) утрата многозначности полисемичными эмотивами, сужение и конкретизация их значения.

4. В процессе смыслового развития эмотивной лексики как системы определяющими являются как собственно языковые, так и экстралингвистические факторы. В числе первых можно назвать процессы перегруппировки эмотивных единиц, вызванные утратой старых элементов и вхождением новых, активность словообразовательной и семантической деривации и т.д., результатом чего является возникновение синонимических, антонимических, конверсных и иных групп, оппозиций некаузативных и каузативных эмотивных глаголов, предикатов,

обозначающих различные способы действия, и т.д.; в числе вторых отмечается постепенное усложнение внутренней психической организации индивида, актуализация вторичных («культурных») эмоций, связанных с межличностным (социальным) взаимодействием людей, и др.

5. Сравнительно-исторический анализ названий эмоций в русском языке на протяжении всей истории его развития, а также их параллелей как в индоевропейском и общеславянском языках, так и в современных славянских языках свидетельствует о широкой количественной представленности данных единиц и их многообразных смысловых и формальных связях. Это позволяет говорить не только о принадлежности эмотивов к ядерной части лексической системы, но и о постоянной актуальности эмоциональных явлений в процессе жизнедеятельности человека.

Апробация результатов работы. По теме диссертации опубликовано более 50 работ, общий объем которых составляет около 50 п.л., в том числе две монографии: «История эмотивной лексики и фразеологии русского языка» (Уфа, 2004), «Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков)» (Уфа, 2006), а также подготовлено электронное учебное пособие «Лингвистика эмоций» (Уфа, 2005). Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов и сообщений на научно-практических конференциях: международных (МГУ, 2003 г., 2005 г.; ИЯ РАН, 2004 г.; МГУС, 2006 г.; СПбГУ, 2006; Башкирский ГУ, 2006 г.), всероссийских (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, 2002 г.; Башкирский ГУ, 2003 г.), региональных (Башкирский ГУ, 2003) и др., а также на заседании семинара «Язык и ментальность» (МГУ, 2005 г.). Разработка отдельных положений диссертационного исследования поддержана грантом РГНФ–Урал №06-04-84403а/У. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета (май 2006 г.).

Структура диссертации определяется поставленными в ней целями и задачами, а также спецификой анализируемого материала. Работа состоит из введения, двух частей, содержащих шесть глав, заключения, библиографического списка и приложения, представляющего собой полный алфавитный список эмотивов с указанием хронологических границ их фиксации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, описывается методологическая база, определяются предмет и объект анализа, характеризуются материал и методы его исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая часть диссертации «**Теоретические проблемы эмотивности**» посвящена рассмотрению наиболее общих вопросов, связанных с языковой репрезентацией эмоций, и включает две главы.

В первой главе «**О понимании сущности эмоций в философии и психологии**» на основе обобщения и критического осмысления философской и психологической литературы определяются исходные методологические принципы учения об эмоциях.

Базой для возникновения и развития частных гуманитарных теорий эмоций (психологической, социологической, лингвистической и др.) послужили философские воззрения на сущность и природу внутренних переживаний. Представители практически всех философских школ и направлений так или иначе рассматривают проблему эмоций в рамках соответствующих мировоззренческих систем. В философских доктринах уделяется внимание различным аспектам эмоций (психологическим, физиологическим, этическим, социальным, культурным и т.д.), при этом наиболее значимыми представляются тезисы о мотивирующей и направляющей роли эмоций во всех видах жизнедеятельности человека, об онтологической взаимосвязи эмоций и других видов психических процессов и т.д. Кроме того, в трудах философов предпринимаются попытки классификации эмоциональных явлений по различным критериям: положительному и отрицательному знаку (удовольствие/неудовольствие – у Эпикура, Аристотеля, Спинозы, Канта и др.), форме (чувство/аффект/страсть – у Канта, Гегеля и т.д.), субъективному качеству и пр. В процессе развития философской мысли отмечается постепенное углубление представлений об эмоциональной сфере, которое в свою очередь выступает предпосылкой для целостного (интегрального) исследования этого явления в контексте многообразной деятельности человека.

Комплексный психологический подход к эмоциональным процессам позволил не только накопить огромный багаж эмпирических данных, но и выдвинуть целый ряд теорий эмоций, каждая из которых может претендовать на роль фундаментальной. Однако, несмотря на значительные достижения в данной области, в современной психологии отсутствует единая общепризнанная теоретическая концепция, трактующая эмоции как особый класс психических явлений, и соответственно их краткое и точное определение (Г.А. Вартамян, Е.С. Петров, Е.Д. Хомская). Расхождения психологов в вопросе о феноменологии эмоций обусловлены факторами как объективного, так и субъективного порядка. Например, субъективные причины разногласий в определении эмоций заключаются в различии концептуальных подходов авторов к данной проблеме. В зависимости от того, насколько широко понимается класс эмоций, психологи причисляют к ним разные явления психики. Так, широкое толкование эмоциональных процессов позволяет включать в их состав самые разнообразные феномены, связанные с многочисленными аспектами физиологической, психической, духовной и социальной организации человека: голод, жажду, удушье, усталость, одобрение, счастье, чувство юмора, иронии, чувство прекрасного, трагического, возвышенного и мн. др. (П.Н. Джонсон-Лэрд, А.Н. Лук, К. Отли, Р. Плучик, Я. Рейковский, С.Л. Рубинштейн, Б. Уэйнер, П.М. Якобсон и др.). При узком понимании эмоции предстают как частный механизм, проявляющийся только в специфических условиях. Примером такого подхода служит целый ряд концепций, отличающихся крайней односторонностью, о чем

свидетельствуют сами их названия: физиологические, нейробиологические, психофизиологические, психоаналитические, теории когнитивной психологии и т.д. Для целей лингвистического исследования неприемлемо ни широкое, ни узкое толкование эмоций; в противном случае реальная картина средств их обозначения предстала бы в искаженном виде (как предельно расширенный или суженный класс эмотивов). С лингвистической точки зрения целесообразен анализ языкового представления лишь тех эмоций, которые интерпретируются как таковые в обыденном (наивно-языковом) сознании. Данный подход можно считать правомерным еще и в силу того, что, по мнению ряда психологов, донаучные представления об эмоциях обладают большей степенью достоверности и верифицируемости, чем научные. Это обусловлено тем, что эмотивная лексика естественного языка в значительной степени предопределяет понятийную систему эмоций в психологии, но не наоборот.

Определенную помощь в решении проблемы языкового представления эмоций может оказать также классификация последних, осуществляемая психологами и лингвистами. К настоящему времени предложено множество классификаций эмоций, базирующихся на самых разных признаках, при этом наиболее распространенным вариантом являются эмпирические «линейные» схемы, представляющие собой списки базовых (фундаментальных, первичных) эмоций. Исследователи, принадлежащие к различным научным школам, приводят в своих работах почти идентичный перечень основных эмоций, число которых колеблется у разных авторов от 2 до 11, при этом большинство списков включает от пяти до девяти эмоций (Н.В. Витт, К. Изард, А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз, П.В. Симонов и др.). Анализируемые перечни можно квалифицировать, скорее, не как классификацию эмоций, а как их каталог, который представляет собой результат первичной систематизации эмоциональных процессов в соответствии с их субъективным качеством. Несмотря на утверждения психологов о том, что параметры, лежащие в основе выделения базисных эмоций, имплицитно содержатся в семантике соответствующих слов (J.A. Russel), лингвистам, тем не менее, следует критически подходить к эмпирическим спискам эмоций. Вероятно, при выделении денотативных классов эмотивной лексики можно отчасти ориентироваться на психологическую номенклатуру эмоций, как это делают некоторые исследователи. Однако при этом следует учитывать неоднозначность, условность терминов эмоций, которая вызвана отсутствием обоснованного критерия их введения. Именно признание специфики психологической номенклатуры эмоций не позволяет приравнивать или сводить анализ эмотивной лексики к анализу соответствующей терминосистемы. На наш взгляд, наиболее полная и точная идентификация эмоций возможна благодаря естественному языку, то есть эмотивная лексика принадлежит к такого рода системам, которые членятся сами, по своим внутренним законам. Собственно лингвистический подход к проблеме разграничения эмоций дает возможность критически переосмыслить соответствующий психологический их перечень: с языковой точки зрения названия таких «эмоций», как мужество (М.Б. Арнольд), бесстрашие, смелость (П.В. Симонов), жадность (А.Н. Лук), честность, доблесть (Г.Х. Шингаров), желание (Р. Декарт, Б. Спиноза, Н. Фрижда),

уверенность/неуверенность (А.Н. Лук, П.В. Симонов, Ф. Тома) и др. должны рассматриваться в составе лексики со значением нравственных и волевых свойств и качеств человека. В соответствии с этим границы поля эмотивности определяются довольно четко: так, в его состав не включаются языковые единицы типа др.-р. *братоненавидѣние, человѣконенавидѣние* ‘ненависть к ближнему’, *человѣколюбство* ‘человеколюбие, милосердие’, *безбоязненный* ‘безбоязненный, бесстрашный, неустрашимый, отважный, решительный’, ритор. *бестрепетный* ‘неустрашимый, смелый, твердый’, *безбоязненно, бестрепетно* и т.п., называющие указанные черты личности. Вместе с тем нами учитываются лексемы со значением эмоциональных свойств и качеств человека, имеющих косвенное отношение к морально-этической сфере, например: *робкий, робость, застенчивый, застенчивость, трус, весельчак*, перен. *заяц*, разг., ирон. *красная девушка (девица)* ‘застенчивый, робкий человек’ и т.п. Кроме того, вне анализируемого поля оказываются наименования так называемых интеллектуальных эмоций (*любопытство, интерес* и т.д.), а также лексемы со значением волевых состояний типа *владеть собой, держать себя в руках, проявлять решительность* и т.д. Таким образом, основным объектом нашего анализа выступают средства лексико-фразеологической репрезентации ограниченной денотативной сферы, а именно обозначения указанных выше базисных эмоций радости, печали, страха, гнева, удивления, страдания и т.д., а также ряда вторичных (культурных) эмоций: любви, ненависти, зависти, уважения, презрения и др. Данные лексемы, которые условно могут быть названы «чистыми эмотивами», характеризуются относительной однородностью семантики, поскольку являются наименованиями собственно эмоциональных явлений. Вне пределов эмотивной лексики остаются языковые единицы, обозначающие такие сложные состояния, как счастье, надежда, разочарование, уверенность, интерес, терпение, чувство юмора и т.д., которые отличаются неоднородным содержанием, поскольку представляют собой нечетко расчлененную совокупность нескольких психических явлений. Отметим также, что принятое в психологии противопоставление терминов «эмоция» и «чувство», называющих разные формы эмоциональных явлений, не влияет на употребление соответствующих обиходных слов, поскольку язык в одинаковой мере способен обозначать с помощью лексемы *чувство* и актуальное переживание, и высшую (социальную) форму эмоциональной деятельности (ср.: *чувство радости, волнения, любви, гордости, долга, прекрасного* и т.д.). В связи с этим мы используем слово *эмоция* в качестве синонима к лексеме *чувство* в значении ‘внутреннее эмоциональное переживание’.

Во второй главе «**Проблема эмоций и эмотивности в лингвистике**» рассматриваются теоретические вопросы, связанные с определением особенностей языкового отражения эмоций.

Выработка внутренне непротиворечивой концепции эмотивности, обладающей большой объяснительной силой, представляется одной из актуальных задач лингвистики эмоций. На наш взгляд, отсутствие общепринятой теории эмотивности во многом обусловлено объективными факторами, а именно неопределенностью границ эмоционального в языке, которая является следствием

недоступности чувственной сферы для непосредственного восприятия и наблюдения. Некоторая доля ответственности лежит и на самих лингвистах, употребляющих множество терминов без спецификации их содержания: *эмоциональность*, *эмотивность*, *эмоциональная нагрузка слова*, *эмоционально-оценочная окраска слова* и т.д. В связи с вышесказанным представляется необходимым четкое содержательное разграничение терминов «эмоциональность» и «эмотивность». Оба термина активно используются как в психологии, так и в лингвистике, однако отмечается тенденция к их специализации в зависимости от области знания. Так, психологи ведут речь преимущественно об эмоциональности, которая рассматривается ими как одна из основных психологических характеристик человека, связанная с особенностями его чувственной сферы (состояниями, качествами и т.д.). Эмотивность же традиционно определяется как языковая категория, подразумевающая наличие в том или ином языке совокупности средств выражения эмоций, структурированной по определенному принципу. Данная категория находится в диалектических отношениях с психологической категорией эмоциональности и с пограничными языковыми категориями оценочности и экспрессивности: с одной стороны, она тесно взаимосвязана с ними, с другой – может быть отграничена от них на основе ряда критериев. Обзор многочисленных работ, посвященных рассмотрению эмотивности как языковой категории, показывает, что в настоящее время не существует согласия в понимании ее природы, а также широты класса языковых единиц, которые выступают ее репрезентантами. Критический анализ различных концепций эмотивности позволяет выделить несколько основных направлений ее исследования. Так, авторы **лексикоцентрических теорий** эмотивности, в целом признавая словарные единицы основным экспонентом эмоций, причисляют к эмотивному фонду самые разнообразные классы лексем (Л.Г. Бабенко, А. Вежбицкая, Л.Н. Иорданская, Т.А. Графова, И.И. Сандомирская и др.). Согласно другой точке зрения, которую условно можно обозначить термином **«коммуникативная концепция эмотивности»**, эмотивность представляет собой полистатусную функционально-семантическую категорию и выражается широким кругом лексических и грамматических средств (В.И. Шаховский, В.В. Жура, И.А. Троилина, Р.С. Сакиева и др.). В рамках **психолингвистического подхода** основное внимание уделяется языковым единицам, которые характеризуются коллективными и индивидуальными ассоциациями, имеющими эмоциональную значимость для говорящего (Н.О. Золотова, Е.М. Ковалевская, Е.Н. Колодкина, Е.Ю. Мягкова, М.Н. Шорина и т.д.). Поскольку объектом нашего исследования являются лексико-фразеологические единицы, обозначающие эмоции, то мы придерживаемся понятийного подхода к эмотивности, рассматривая ее как таксономическую категорию, посредством которой осуществляется языковая категоризация соответствующих явлений. Вербальная таксономия эмоций является, во-первых, естественной, то есть индуктивно выведенной из анализа свойств объектов; во-вторых, интенциональной, то есть ориентированной на сигнификативный аспект лексической семантики (Языкознание: БЭС).

Мотивационная роль эмоций в речепроизводстве предопределяет комплексный характер их вербального представления. Разделяя эту точку зрения, исследователи, тем не менее, по-разному интерпретируют подобную комплексность. Так, отдельные авторы полагают, что эмоции выражаются единицами всех языковых уровней, в связи с чем ведут речь не только об эмотивной лексике, но и об эмотивной фонологии, морфологии, синтаксисе, интонации (В. Volek). Отчасти соглашаясь с этим утверждением, отметим один недостаток такого подхода: он приписывает системно-языковой статус всем средствам выражения эмоций, тогда как в действительности они могут иметь речевую (ситуативную) природу. Игнорирование этого факта приводит к неэффективным попыткам исследователей выявить (аналогично лексическим эмотивам) конечное число фонетических, морфологических, синтаксических, интонационных репрезентантов эмотивной семантики, список которых является не только разнородным, но и открытым. Более перспективной можно считать точку зрения, согласно которой адекватное описание вербализаторов чувственной сферы основано на разграничении «языка описания» и «языка выражения» эмоций (Л.А. Пиотровская). В целом соглашаясь с необходимостью разграничения двух нетождественных способов языкового представления эмоций (их понятийной категоризации посредством лексико-фразеологических единиц vs. интонационно-грамматического выражения), позволим себе уточнить данное положение. По нашему мнению, в рассматриваемых случаях термину «выражение эмоций» приписывается довольно узкое значение, поскольку под ним понимается спонтанное, непосредственное языковое проявление внутренних состояний/отношений в конкретной («актуальной») ситуации. Такое сужение термина неизбежно приводит к трактовке эмотивной функции как имеющей речевой характер, что, с учетом общепринятого тезиса о взаимосвязи эмоции и когниции, отрицает языковую природу данной функции. В свою очередь, признание исключительно речевой специфики эмотивной функции значительно ограничивает круг языковых репрезентантов чувств, поскольку в этом случае из них исключаются высказывания, содержащие обозначения эмоций, что также является не совсем убедительным. В связи с этим представляется более уместным использовать термин «выражение эмоций» в широком смысле, понимая под ним все способы языковой манифестации данной сферы, как лексические, так и нелексические. Разграничиваемые способы вербализации чувств (их обозначение vs. грамматическое и интонационное выражение) являются взаимообусловленными и взаимодополняющими, чем и определяется необходимость более подробного рассмотрения их специфических особенностей и возможных корреляций. Несмотря на то что лексические и грамматико-интонационные сигнализаторы эмоций объединены инвариантной эмотивной функцией, они связаны с разными механизмами языкового выражения внутренних переживаний, поэтому представляется целесообразным разграничение эмотивных единиц (лексико-фразеологических эмотивов) и эмотивных средств (фонетических, синтаксических, интонационных и т.д.). Различия между ними заключаются, прежде всего, в том, что все эмотивные средства в той или иной степени грамматичны, поскольку характеризуются таким

признаком, как формализованность, а именно: выражение внутренних состояний субъекта нередко сопровождается «десемантизацией» языка (У. Вейнрейх). Поэтому по аналогии с «грамматикой оценки» (В.В. Лопатин) можно вести речь о существовании особой «грамматики эмоций»: спонтанное выражение эмоций в процессе коммуникации затрагивает, в первую очередь, формально-структурные свойства языковых единиц, которые подвергаются значительным изменениям. Кроме того, единство эмотивной семантики лексико-фразеологических обозначений чувств определяется социальными факторами – тождеством эмоционального содержания, фиксируемого в словаре, что обуславливает их преимущественно однозначное кодирование и декодирование говорящим и слушающим, тогда как многие эмотивные средства лишены такой однозначности в силу своей произвольности, а порой и случайности. Эта произвольность характерна, например, для фонологических явлений, основанных на эмоциональных ассоциациях тех или иных звуков с внутренним состоянием человека (вторичная ономотопея, звукосимволизм).

Состав лексических эмотивов может быть определен на основе двух собственно языковых критериев: 1) характер соотношения эмотивного содержания с денотативным, сигнификативным и коннотативным макрокомпонентами значения; 2) специфика функций, выполняемых эмотивными лексемами. С учетом данных признаков лексическими манифестантами эмоций признаются три класса слов: 1) **эмотивы-аффективы** (междометия, бранные слова, инвективы и другие языковые единицы, значение которых исчерпывается передачей эмоционального состояния/отношения субъекта речи); 2.) **обозначения эмоций**, которые осуществляют понятийную категоризацию внутренних переживаний; 3) **эмотивы-экспрессивы** (коннотативы), в которых эмотивность выступает в виде созначения, особой эмоциональной окрашенности слова, и реализуется в сфере коннотации. Выделенные классы эмотивов противопоставляются друг другу в двух отношениях. С одной стороны, аффективы как языковые единицы, непосредственно выражающие чувства, противостоят названиям эмоций и коннотативам, которые являют собой опосредованную мыслительными процессами эмоцию. С другой стороны, средства обозначения внутренних переживаний отличаются от единиц коннотативной и аффективной лексики тем, что последним во многих случаях свойственна амбивалентная семантика, которая является размытой и конкретизируется в определенных контекстуальных условиях, включающих в себя вербальную и невербальную информацию об эмоциональном состоянии говорящего и слушающего. Признавая, что все три вышеперечисленных класса слов осуществляют (хотя и не в равной мере) лексическое представление чувственной сферы, мы полагаем, что приоритет принадлежит наименованиям эмоций. Во-первых, понятийная категоризация эмоций посредством их обозначения обеспечивает прямое и в большинстве случаев однозначное кодирование и декодирование любой эмоциональной информации, тогда как референтные границы аффективов и экспрессивов являются нечеткими, размытыми, а потому смысл таких единиц иногда с трудом поддается дешифровке. Во-вторых, поскольку значение наименований эмоций полностью

исчерпывается их понятийным представлением, то оно является «однослойным», в чем и состоит его отличие от «двуслойной» семантики коннотативов, в которой эмотивное содержание вторично и в отдельных случаях выступает в адгерентной (факультативной) форме. В связи с вышесказанным представляется целесообразным употребление терминов «эмотив», «эмотивная лексика» по отношению к средствам обозначения эмоций. Лексемы, эмотивная семантика которых не соотносится со строгим понятием или реализуется в коннотативной части значения, должны рассматриваться в составе аффективной и коннотативной лексики.

Адекватное описание системного аспекта эмотивной лексики и фразеологии определяется двумя условиями: 1) широтой либо узостью охвата языковых единиц, включаемых в ее состав; 2) спецификой принципов и методов исследования данного множества. Одним из наиболее перспективных методов анализа обозначений эмоций является метод семантического поля (СП), который, представляя собой исследовательский прием классификации лексических единиц, предполагает анализ системной организации слов, объединенных в смысловые множества. Метод СП, опирающийся на принцип системности, выдвигает на первый план связь языка с действительностью, соотносимость его с внеязыковой реальностью. В современной лингвистике термин «поле» обозначает одновременно и саму лексическую группировку слов, и принцип организации этой группировки, то есть наличие полевой структуры. Под последней понимается объединение разных элементов языка, имеющее следующие признаки языкового поля: объединение в составе поля однородных и разнородных элементов; выделение ядра и периферии поля и распределение функций между ними; вычленение микрополей в структуре поля; частичное наложение разных полей друг на друга и т.д. (И.А.Стернин). На основании изложенного можно дать следующее рабочее определение семантического поля: СП – это межчастеречная совокупность средств номинации определенной денотативной сферы, связанных внутриязыковой и внеязыковой (предметно-логической) общностью. Оно представляет собой «парадигму парадигм», структурированную по принципу «ядро – периферия», и является незакрытым (нечетким) множеством языковых единиц. Единицы семантического поля эмотивности (далее – СПЭ) объединяются в данное множество на основе абстрактной категориально-лексической семы эмотивности, которая выступает в качестве инвариантной (интегрирующей) семы, содержащейся в значении всех членов поля. Анализируемая группировка представляет собой межчастеречное (развернутое, сложное) поле, включающее в себя не только слова разной лексико-грамматической отнесенности (глаголы, существительные, прилагательные, наречия, слова категории состояния), но и сочетания устойчивого характера. Описание структурной организации поля эмотивности может осуществляться с опорой на различные методологические установки, среди которых наиболее перспективным является выделение семантических классов обозначений эмоций. В этом случае за основание классификации берется наличие в смысловой структуре эмотивов семантических компонентов типа ‘состояние’, ‘отношение’, ‘воздействие’ и т.п. Идея лексико-семантической классификации эмотивов принадлежит Л.М. Васильеву, который в классе глаголов чувств выделил основные группы слов: 1) предикаты эмоционального состояния; 2) предикаты эмоционального переживания; 3) предикаты эмоционального отношения. Данный способ структурирования эмотивной лексики представляется весьма продуктивным, поскольку он отражает внутриязыковые механизмы категоризации чувственной сферы, результатом которой являются «наивно-языковые» понятия об эмоциях, обладающие ярко выраженной национальной спецификой.

Анализ лексико-фразеологических единиц с использованием метода семантического поля традиционно осуществляется с опорой на факты синхронии,

однако в последние годы все чаще высказывается мысль о необходимости применения полевого метода по отношению к явлениям диахронии. Это объясняется тем, что исследователи постепенно переходят от описательной, статической модели языка к динамической, адекватный анализ которой невозможен без объяснения наличия или отсутствия языковых фактов, что в свою очередь требует привлечения фактов диахронии. Более того, все отчетливее становится тенденция к отказу от жесткого противопоставления синхронии и диахронии, в связи с чем предлагается термин «динамическая синхрония» как доказательство присутствия историзма в любой языковой закономерности. В настоящее время признается целесообразность комплексных синхронно-диахронических исследований, в которых должны быть показаны сходства и различия процессов развития одних единиц из других и синхронных связей между единицами, степень изоморфизма между диахронией и синхронией (И.С. Улукханов).

Вторая часть диссертационного исследования **«История поля эмотивности в русском языке (с ориентацией на материал других славянских языков)»** посвящена анализу общих закономерностей семантической динамики эмотивной лексики русского языка на протяжении XI–XX вв. В соответствии с общей «объемной» периодизацией истории русского языка, предложенной Р.И. Аванесовым, рассматриваемый временной отрезок подразделяется нами на три периода: XI–XIV вв., XV–XVII вв. и XVIII–XIX вв. Объединение XVIII и XIX вв. в рамках одного периода обусловлено совпадением значительной части языкового материала, представленного в словарях той и другой эпохи.

В третьей главе **«Эмотивная лексика и фразеология в древнерусском языке XI–XIV вв.»** рассматривается исходное состояние поля эмотивности и дается развернутая характеристика обозначений эмоций в языке Древней Руси. Сложность адекватного анализа семантики эмотивов в древнерусском языке обусловлена как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими причинами. Так, для изучаемой эпохи весьма характерна так называемая «подобозначность» (Л.Л. Кутина), то есть наличие избыточных (параллельных) форм, семантически тождественных друг другу, например: *дряселовати // дряхловати // дряхльствовати* ‘печалиться, скорбеть’, *желѣтва // желитва // желование // желѣние // желя* ‘печаль, скорбь’, *гнѣвьныи // гнѣвыи* ‘охваченный гневом, гневный’ и мн. др. Системная вариативность языковых единиц дополнялась также их функциональной дублетностью, которая была обусловлена традицией использования специального приема «нанизывания» слов, ведущего к нейтрализации дифференцирующих сем и унификации семантики членов однородного ряда; ср.: (1382): И бяше въ градѣ видѣти тогда плачь и рыдание и воплъ многъ, ... скорбь, бѣда, нужа, горесть смертнаа, страхъ, трепетъ, ужасъ. Рог. лет., 145 [СлРЯ XI–XVII, 4: 85]¹. Кроме того, семантическое своеобразие эмотивов отчасти было обусловлено особенностями «наивно-психологических» взглядов на сущность эмоций, характерных для

¹ Графика и орфография древнерусских слов приближена к современной, при этом мы опираемся на систему подачи языкового материала, используемую составителями «Словаря русского языка XI–XVII вв.». При указании на письменные памятники XI–XVII вв. употребляются принятые в исторических словарях сокращения.

соответствующей исторической эпохи. Так, письменным памятникам Древней Руси был свойствен т.н. «абстрактный психологизм», в соответствии с которым психологические состояния, отдельные человеческие чувства рассматривались со столь близкого расстояния, что они заслоняли собой самого человека, казались огромными, преувеличенными и не связанными друг с другом (Д.С. Лихачев). Своеобразие «наивной» психологии» в свою очередь зависело от культурных и религиозных факторов, определяющих мировоззренческие установки средневекового сознания. В соответствии с положениями «наивной психологии» большинство эмотивов обозначало не столько актуальное эмоциональное переживание лица, вызванное внешними или внутренними причинами, сколько некое идеальное духовное состояние, к которому необходимо стремиться или, напротив, избегать его. Так, глагольные предикаты радости (*радоватися, веселитися, краситися, галити, праздновати* и др.) во многих случаях употреблялись в значении ‘испытывать духовную радость, веселье’, на что указывает своеобразие их синтагматических связей; ср.: ***В ня же дни, очистившеся, дша празднуеть свѣтло на Всрнье Гне, веселящися о Бзѣ.*** Пов. вр. л. 6581 г. [Срезневский, II: 1366]. Можно предположить, что во многих случаях семантика эмотивов отражала недостаточно четко разграниченные представления о двух взаимосвязанных уровнях духовной жизни человека: уровне непосредственно испытываемых эмоций и уровне религиозного сознания.

В соответствии с указанным выше принципом выделения семантических классов эмотивов внутри анализируемого поля разграничиваются три парадигмы языковых единиц: эмотивы состояния, эмотивы отношения и эмотивы переживания. К числу первых относятся предикаты: 1) радости; 2) удовольствия; 3) печали; 4) страха; 5) гнева; 6) удивления; 7) волнения, возбуждения; 8) спокойствия. Во вторую группу входят языковые единицы со значением: 1) страдания; 2) обиды; 3) стыда. Лексемы и их сочетания, обозначающие эмоциональное отношение, образуют микрополя: 1) любви; 2) ненависти; 3) уважения; 4) сочувствия, жалости; 5) презрения; 6) отвращения; 7) унижения; 8) зависти. При этом внутри данных микрополей противопоставляются парадигмы исходных глагольных предикатов и их именных соответствий, инхоативных эмотивов и каузативов. Анализ исходных глагольных, именных и адъективных обозначений эмоций в древнерусском языке показывает, что они характеризовались рядом общих смысловых особенностей, в числе которых прежде всего следует отметить диффузность (синкретизм) их значения. Синкретичность семантики языковых единиц обусловлена таким объективным фактором, как нерасчлененность мировосприятия, которая представляет собой важнейший принцип архаичного, или «дологического» мышления (Л. Леви-Брюль). Средневековому мышлению также присущи черты синкретизма, среди которых можно выделить изначальную нерасчлененность понятий, их слияние с представлениями, которое проявляется, в частности, в совпадении таких категорий, как онтологическое и аксиологическое, бытие и ценность, явление и сущность, объект и субъект, причина и следствие и т.д. (С.С. Аверинцев, О.М. Фрейденберг). В соответствии с этим в древнерусском языке эмоции интерпретируются как нечетко структурированные, «размытые» феномены.

Проявлением синкретизма семантики эмотивов можно считать широту их значения, которая обнаруживается в следующем:

1. Очень многие эмотивные лексемы были нейтральны к противопоставлению по такому аспекту, как субъективное качество эмоций, то есть называли одновременно несколько внутренних переживаний, причем как сходных, так и отличных по своему содержанию. С опорой на лексический материал можно вести речь об определенных тенденциях совмещения тех или иных эмотивных ЛСВ в значении полисемичных эмотивов. Так, многие предикаты печали (особенно лексемы с этимологическими корнями **-žal-/*-žel-*) наряду со значением состояния заключали в своей смысловой структуре значение эмоционального отношения 'жалеть, сострадать', которое актуализировалось в предложно-падежных сочетаниях о ком-чем, по ком-чем, кого-чего и т.д., например: *жаловати* '1. жалеть, испытывать сострадание // горевать, печалиться'² (ср. пол. *żalować* '1. испытывать печаль, скорбеть о чем-л.; 3. сочувствовать кому-л. в связи с его затруднениями, неудачами'), *пожалитися* '1. пожалеть о ком-, чем-л.; сжалиться над кем-, чем-л.; 2. опечалиться' (ср. пол. *użalać się nad kim-szym* '2. сочувствовать кому-, чему-л.; жалеть кого-, что-л.'), *жалость* '1. горе, печаль; 2. жалость, сострадание' (ср. болг. *жалост* '1. печаль, грусть, тоска; 2. жалость, сострадание', чеш. *žalost* 'скорбь, печаль', пол. *żałość* 'тоска, печаль') и т.д. Весьма характерным для древнерусского языка можно считать выражение посредством одного слова представлений о страхе, гневе, стыде, удивлении или жалости, с одной стороны, и уважении – с другой, например: *стыдѣтися* '1. стыдиться; 3. пренебрегать; 5. уважать, почитать' (ср. чеш. *styděti se* 'стыдиться', пол. *wstydzić się* 'тж.'), *чудьными* '1. достойный удивления; 4. почитаемый, чтимый' (ср. о.-с. **čudьнь(jь)*, болг. *чуден* '1. чудный; удивительный', пол. *czudny* 'вызывающий восхищение, прекрасный, чудесный') и т.д. При этом высокая степень интенсивности чувства уважения, как правило, интерпретировалась в виде особого духовно-нравственного качества – страха перед богом, в связи с чем значение таких эмотивов чаще всего трактуется словарями как 'трепетать, благоговеть' и т.п., например: *трепетати* '2. дрожать, бояться; 3. трепетать, испытывать благоговейный трепет' (ср. болг. *трептя* 'трепетать, дрожать'), *ужасатися* '1. приходиться в ужас; 2. трепетать, благоговейно уstraшаться' (ср. болг. *ужасявам се* 'ужасаться', *гнѣватися* '1. гневаться; 2. испытывать трепет' (ср. о.-с. **gněvati (se)*, болг. *гневя се* 'гневаться, сердиться, раздражаться', чеш. *hněvati se* 'тж.', пол. *gniewać się* '1. сердиться, злиться'), *говѣиными* '1. почтительный; благочестивый' (ср. о.-с. **govějнь(jь)*) и т.д.

2. Еще одним проявлением диффузности семантики эмотивов является контаминация значений низкой, нормативной и высокой степени интенсивности той или иной эмоции. К примеру, по отношению к эмотивам страха можно говорить о недостаточно четком оформлении значения низкой степени интенсивности данной эмоции – 'опасаться, остерегаться', поскольку в семантической структуре таких глаголов, как *блѹстись* (ср. о.-с. **bl'usti (se)*), *облѹдатися*, *внимати* (ср. болг. *внимавам* '2. действовать осторожно') и других

² Толкования значений эмотивов сохраняются в том виде, в каком они представлены в лексикографических источниках.

оно еще не отделяется от инвариантного значения ‘бояться, испытывать страх’. Аналогично этому эмотивы *обиновение*, *опась* и др. имели комплексное значение низкой/нормативной интенсивности эмоции – ‘опасение, боязнь, страх’: *Романъ же слашетъ безъ опасы к мужемъ Галичькимъ*. Ип. л. 6696 г. [Срезневский, II: 678]. Напротив, лексемы *страхование*, *трепетъ* (ср. болг. *трепет* ‘2. перен. трепет, душевное волнение’), *ужасъ* (ср. болг. *ужас* ‘ужас’), *гроза* (ср. и.-е. **garag-* ‘ужас; отвращение’; *gargo-s* ‘ужасный; дикий’³, о.-с. **groza* ‘нечто ужасающее, внушающее ужас’, чеш. *hrůza* ‘ужас’, пол. *groza* ‘тж.’) могли одновременно обозначать и нормативную и высокую степень интенсивности данного состояния.

Вместе с тем отдельные категориальные классы эмотивов характеризовались специфическими семантическими свойствами. Так, среди наиболее важных особенностей древнерусских эмотивных существительных отметим сложность их семантики, которая имела следующие формы проявления:

1. Довольно часто в семантической структуре имен значение эмоционального состояния/отношения выступает наряду с каузативным значением. Вероятно, это свидетельствует о недостаточно четком разграничении объективного аспекта эмоции (осмысление события, вызвавшего внутреннее состояние) и ее субъективного аспекта (осмысление самой психологической реакции). Проявлением этой тенденции объясняется, в частности, наличие у многих эмотивов-субстантивов пропозитивного (событийного) значения, например: *гнушение* ‘1. отвращение; 2. то, что вызывает отвращение’, *диво* ‘1. удивительное явление; чудо; 2. удивление’, *страхъ* ‘1. страх, боязнь; 2. страшное явление’, *обошрение* ‘1. возбуждение, возбужденное состояние; 2. то, что возбуждает’ и др. Таким образом, чувство не мыслилось отдельно от его каузатора, в силу чего внутреннее состояние лица воспринималось как интериоризованное событие, то есть объективное событие, перенесенное «вовнутрь» человека.

2. В смысловой структуре ряда полисемичных эмотивов-субстантивов отмечается параллельное развитие идентичного комплекса прямых и переносных (метафорических) значений. Так, в семантике лексем *печаль*, *скърбь*, *туга*, *болѣзнь*, *трудъ* и др. сложно переплетались представления: а) о физической боли, недуге (как правило, первичное значение); б) о горестной эмоции; в) о «труде» (заботе, попечении). Можно полагать, что синонимизация семантических структур данных слов была связана с эксплицитным выражением содержательного противопоставления «земного» (физического) и «небесного» (духовного), проявлявшегося на уровне ЛСВ: репрезентантами первого члена оппозиции выступали прямые значения, а второго – переносные.

Ядерное положение внутри поля эмотивности занимали также адъективные лексемы, большая часть которых была формально и семантически мотивирована именными эмотивами. Эта группировка была неоднородна по своему содержанию. Прежде всего, выделяются прилагательные, отличающиеся

³ Индоевропейские параллели и толкования их значений приводятся по следующим словарям: *Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Francke Verlag Bern und München, 1959; *П.Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка*. 5-е изд., стереотип. М., 2002.

комплексной семантикой и способные выражать целый ряд значений: 1) инвариантное предикативное значение ‘испытывающий определенную эмоцию’, которое реализовалось адъективами в неодинаковой степени. Наиболее часто предикативную функцию выполняли прилагательные радости и печали, в составе же других микрополей это значение имели лишь отдельные адъективы, например: **Црю же грозну бывшую и всему наполнившуюся ему страха.** Сказ. Афрод. д. 1300 г. [Срезневский, I: 596–597]; 2) многие из указанных прилагательных наряду с предикативным значением могли выражать также другие адъективные значения, в основе которых лежит метонимический перенос: а) экспликативное, связанное с обозначением внешнего проявления эмоций и реализуемое в сочетании с существительными *лице, взоръ, очи* и др.: **Виде и лице дряхло имуца.** Пат. Син. XI в. 274 [Срезневский, I: 738]; б) квалификативное, которое выражалось прилагательными в сочетании с различными именами (чаще всего абстрактными); в) каузативное значение ‘вызывающий эмоцию’: **возми и носи говѢино тѢло ис(с)во. достоино причащаяся его.** ГБ XIV, 72б [СДРЯ XI–XIV, 2: 343]. Одной из важных характеристик субстантивных и адъективных эмотивов является то, что они довольно последовательно выражали значение того или иного эмоционального свойства или качества, при этом данное значение могло как иметь, так и не иметь статус самостоятельного ЛСВ, например: *стыдѢние* ‘1. стыд; 2. почтение; 3. почтительность’, *напрасънивѣство* ‘вспыльчивость, гнев’, *страшивыи* ‘1. боязливый; 2. боящийся’, *печаливыи* ‘унывающий, склонный к грусти’, *тугливыи* ‘легко поддающийся печали’ и др.: **Такожде и мужи съ (с)тыдѢниемъ правѢ зъряште, цѢломудрънѢ же и лѢпнѢ... своя десниця прикръвены имуште своею ризою.** Панд. Ант. XI в. л. 55 [Срезневский, III: 582]. Анализируемые имена, как правило, репрезентировали значение морально-этической оценки, специфика которой определялась религиозными мировоззренческими установками.

В древнерусском языке наряду с бытийными глагольными предикатами были широко представлены инхоативы и каузативы, выражаемые не только лексемами, но и глагольно-именными сочетаниями. Содержательная специфика первых заключалась, прежде всего, в том, что некоторые из них были нейтральны к оппозиции по семам ‘бытийность состояния’/‘возникновение состояния’: к примеру, таковы глаголы со значением уныния, выделяемые внутри микрополя печали (*малодушьствовати, облѢнитися, сътужитися, уныти*), а также лексемы, относящиеся к микрополю страха (*плашитися, полошатися, полошитися, уполошитися*), которые имели синкретичное значение ‘пугаться, бояться’. Кроме того, аналогично исходным предикатам инхоативы могли обобщенно обозначать становление нескольких пограничных друг другу эмоций, например: *уговѢти* ‘благоговеть; утрашиться’, *устыдѢтися* ‘утрашиться; проникнуться благоговением’ и т.д.: **И срѢте иную рать, и не устыдѢся противу ихъ стати.** Никон. л. 6753 г. [Срезневский, III: 1291]. Что касается каузативных эмотивов, то значительную их часть составляли акциональные предикаты, обозначающие каузацию эмоций посредством определенных действий, например: *напаствовати* ‘1. притеснять, вредить, чинить обиды, нападать’ (ср. пол. *napastować* ‘1. кого нападать на кого, выступать с нападками

против кого; 3. перен. беспокоить, мучить'), *дразнити* 'дразнить, оскорблять' (ср. о.-с. **drazniti*, болг. *дразня* '1. дразнить; раздражать', чеш. *drážditi* '1. дразнить; 2. раздражать', пол. *drażnić* 'раздражать, дразнить'), *съмЪсьниту* 'притеснить, обидеть' (ср. болг. *притесня* '2. беспокоить, встревожить', чеш. *stísňiti* '2. удручить') и др.

Поле эмотивности в древнерусском языке формируется также за счет значительного числа предикатов во вторичном значении, при этом наибольшую продуктивность обнаруживает такой тип семантического сдвига, как метафорический перенос. Как полагают исследователи, образная интерпретация «непредметного» мира наиболее активно осуществляется с участием таких макросистем, как «натуралистическая», «пространственная» и «социальная» (Л.В. Балашова). Зафиксированный нами фактический материал позволяет несколько уточнить и дополнить данный тезис. В древнерусском языке высокой продуктивностью отличается «натуралистическая» модель метафоризации эмоций, причем наиболее важным источником пополнения эмотивного фонда являются языковые единицы, относящиеся к понятийной сфере «Человек». В процессе метафоризации задействованы широкие слои конкретной и абстрактной лексики, обозначающей различные аспекты физической, духовной, социальной жизнедеятельности человека. Например, весьма продуктивной является такая модель семантического сдвига, как «**физиологическая сфера человека** → **эмоциональная сфера**», представленная рядом подтипов, в том числе: 1) «**физиологическое (сенсорное) ощущение** → **эмоция**», в соответствии с которой чувства интерпретируются через ассоциации с соматическими ощущениями, состояниями человека, их каузацией и т.д. В данном случае довольно показательным примером служит модель «**болевое ощущение** → **эмоция**», репрезентантами которой выступают лексемы *болѣти* '1. болеть; 2. мучиться, страдать духовно, морально // о ком, чем, за кого беспокоиться, испытывать тревогу, страдать о ком-л., чем-л.' // с кем сострадать, сочувствовать' (ср. и-е. **bheleu-* 'бить, делать больным, слабым, истощенным', о.-с. **bol'ěti*, болг. редко *болея* 'болеть // страдать, беспокоиться', чеш. *boleti* '1. болеть (причинять боль); 2. перен. огорчать, причинять боль', пол. *boleć* II *nad kimś, czymś* 'скорбеть о ком-л., чем-л.'), *възбѣснѣти* '1. взбеситься, заболеть бешенством; 2. безумствовать, неистовствовать' (ср. о.-с. **běsněti*, болг. *побеснея* '1. взбеситься, заболеть бешенством; 2. перен. взбеситься, прийти в бешенство, в ярость'), *кручина* 'болезнь // желчь // вспыльчивость, раздражительность' (ср. о.-с. **kročina*), *болѣзньныи* '1. больной, болезненный; 2. мучительный, тягостный // печальный, скорбный' (ср. о.-с. **bol'ěznъnъ(jь)*, болг. *болезнен* '1. нездоровый, больной; 2. мучительный, страдальческий') и т.д. Довольно регулярно в процесс метафоризации включаются лексемы со значением целенаправленного физического воздействия, которые чаще всего обозначают воздействие на органы осязания, провоцирующее болезненные ощущения, например: *уразити* '1. ударить; 5. опечалить' (ср. чеш. *uraziti* '1. отбить (кусочек чего-л.); 2. обидеть, оскорбить', пол. *urazać się* '1. ушибаться (больным местом); 2. перен. обижаться'), *уязвити* '1. нанести раны, изранить; 8. утрашить' (ср. о.-с. **ězviti*), *рана* '1. порез тела, повреждение тела до крови; 5. печаль, беда' (ср. болг. *рана* '1. рана; 2. перен.

рана (душевная), страдание', чеш. *zraniti* '1. ранить, поранить; 2. ушибить; 3. перен. уязвлять, задевать, причинять страдание', пол. *ranić* I '1. ранить кого-л. чем-л.; 2. доставлять кому-л. сильное огорчение, болезненно задевать чьи-л. чувства') и др.; 2) большой интерес представляет модель метафоризации «**перцептивный процесс → эмоция**», представленная такой своей разновидностью, как «**зрительное восприятие → эмоция**»: *зрѣти* '1. видеть, воспринимать зрением; 3. смотреть с завистью, зариться' (ср. и.-е. **gher-* : *gherə-* : *ghrē-* 'блистать, сиять, сверкать', о.-с. **zbrěti*), *прѣзрѣти* '1. смотреть (посмотреть), окинуть взором; 5. отнестись с презрением, пренебречь, отвергнуть' (ср. болг. *презрян* 'презренный', чеш. *přezírati* '1. книжн. со смотреть сквозь что-л., через что-л.; 2. коho презирать кого-л.; пренебрегать кем-л.'). *позорь* '1. то, что представляется взору, зрелище; 3. стыд, позор' (ср. болг. *позор* 'позор') и др.: **Блюди, еда по земному помышляя, прѣзриши убогаго**. Сбор. 1076 г. л. 43 [Срезневский, II: 1650]. Для древнерусского языка характерно наличие небольшого числа вторичных эмотивов, образованных в соответствии с данной моделью, что можно объяснить следующим: органы зрения, в процессе филогенеза сформировавшиеся позже других, наиболее тесно связаны с интеллектом, поскольку именно они способствовали становлению последнего (Н.Б. Мечковская). Напротив, деятельность органов вкуса и осязания, которые с генетической точки зрения являются самыми древними, обусловлена сугубо физиологическими факторами и непосредственно не связана с разумом. Именно поэтому эмоции, в которых интеллектуальный компонент отходит на второй план, а физиологический играет весьма важную роль, ассоциируются, прежде всего, не со зрительным восприятием, а со вкусовыми и тактильными ощущениями.

Не менее продуктивными можно считать и такие модели семантической деривации, как «**физическая сфера человека → эмоциональная сфера**», «**социальная сфера человека → эмоциональная сфера**», «**психологическая сфера человека → эмоциональная сфера**», «**природный мир → эмоции**». Так, первая модель представлена несколькими частными типами, в том числе «**движение → эмоция**» и «**физическое действие → эмоция**»: *заимати* I '1. брать, захватывать; 4. задевать, обижать' (ср. о.-с. **jьmati*, чеш. книжн. *jímati* '1. ловить, хватать; 3. трогать (волновать)'), *умащати* '1. умащать; 2. услаждать' (ср. о.-с. **maztiti*, чеш. *omastiti* '1. подмаслить; смазать маслом; промаслить; 3. перен. кому со огорчить кого-л. чем-л.'). *тъкнути* '1. воткнуть; укрепить, установить; 5. поразить, удивить' (ср. о.-с. **тъknoti*, чеш. *dotknouti se* '1. дотронуться, коснуться; 3. перен. задеть за живое, уязвить', пол. *dotknąć kogo-czego* '1. дотронуться до кого-чего, прикоснуться к кому-чему; 3. обидеть, задеть') и др.: **Мудрыхъ срѣца умащающи**. Мин. 1096 г. (окт.) л. 38 [Срезневский, III: 1204]. Особое место внутри рассматриваемой группы занимают единицы «физической» лексики, имеющие деструктивную семантику: *съкрушити* '1. сломать; 3. опечалить; 4. измучить' (ср. о.-с. **krušiti*), *съкрушатися* '1. быть разрушаемым; 2. печалиться' (ср. болг. *съкрушавам се* 'сокрушаться, печалиться, огорчаться'); *съкрушение* '1. разрушение; 4. сокрушение, печаль' и т.д. Высокая продуктивность этой модели обусловлена тем, что большинство приведенных лексем обозначает

разнообразные действия, совершаемые человеком по отношению к объектам внешнего, материального мира (в том числе артефактам), взаимодействие с которым играет ведущую роль в жизни людей. Данные эмотивы представляют собой преимущественно каузативные предикаты, обозначающие интенциональное воздействие на эмоциональную сферу. С точки зрения онтологии эмоций это можно объяснить следующим образом: практически все анализируемые лексемы в своем прямом значении называют физические действия человека, направленные на различные видоизменения реалий вещного мира (их формы, структуры, размеров и т.д.). Благодаря ассоциативной связи, устанавливаемой в наивно-языковом сознании между физическим действием и каузацией эмоций, при обозначении последних в фокусе внимания оказывается целенаправленность эмоционального воздействия на объект-пациент.

Кроме репрезентации «натуралистической» метафорической системы, в древнерусском языке широкое отражение находят ассоциативные параллели между эмоциями и абстрактными явлениями. Например, в метафорическом представлении эмоций активно участвуют оценочные лексемы, вторичное значение которых определяется такими моделями семантической деривации, как: 1) «**этическая оценка** → **эмоциональная сфера**»: *нечестовати* ‘1. поступать нечестиво, грешить; 2. оскорблять, бесчестить, унижать’, *зъло I, зълобие, зълоба* ‘1. все дурное, плохое, злое; 2. злость, злоба, вражда’ (ср. болг. *злоба* ‘злоба’, чеш. *zloba* ‘тж.’), *доброта* ‘1. добродетель // отзывчивость, сочувствие, дружеское расположение к кому-л.’ (ср. о.-с. **dobrota*, болг. *доброта* ‘доброта’, чеш. *dobrota* ‘1. тж.’, пол. уст. *dobrota* ‘доброта; благоволение’), *скаредие* ‘1. скверность, мерзость; 3. печаль, тоска’, *негодование* ‘1. непристойность; 2. неудовольствие’, *кротъкъи* ‘кроткий, покорный, тихий, скромный, незлобивый // печальный, горький’ (ср. о.-с. **krotъкъ(jь)*, болг. *кротък* ‘кроткий; спокойный; добродушный’) и др.: *глиции... миръ съ ближними своими. зло же въ ср(д)цихъ ихъ*. ПНЧ XIV, 178а [СДРЯ XI–XIV, 3: 409]; 2) «**эстетическая оценка** → **эмоциональная сфера**»: *краситися* ‘1. делаться лучше, красивее; украшаться; 2. радоваться, услаждаться’ (ср. о.-с. **krasiti*), *красьныи* ‘1. красивый, прекрасный; 2. хороший, прекрасный; приятный, милый // радостный, приятный, сладостный’ (ср. и.-е. **ker(ə)*- ‘жечь, обжигать, топить’, о.-с. **krasънь(jь)*), *възрачьныи* ‘1. приятный на вид; 2. доставляющий удовольствие’; и др.

В древнерусском языке поле эмотивности характеризовалось обширной периферией, которую составляли наименования невербального выражения эмоций. Вместе с тем и многие ядерные эмотивы отличались синкретизмом семантики, поскольку вследствие отождествления эмоции и ее физиологической симптоматики обозначали одновременно и сам эмоциональный процесс, и его экспрессию в разнообразных формах. Примеры синкретизма стативного и экспликативного значений можно наблюдать среди языковых единиц, входящих в состав многих микрополей, например радости, печали, стыда, отвращения и др. Во многих случаях указанные значения выступали как самостоятельные ЛСВ в смысловой структуре эмотивных лексем, например: *плакатися* ‘1. плакать; 2. грустить, скорбеть’ (ср. болг. *плача* ‘плакать’, чеш. *plakati* ‘тж.’, пол. *plakać* ‘тж.’), *рыдати(-ся)* ‘1. плакать, рыдать; 3. скорбеть’ (ср. болг. *ридая* ‘рыдать’), *стенати*

‘1. стонать, рыдать; 2. скорбеть’ (ср. болг. *стѣна* ‘стонать’, чеш. *sténati* ‘стонать, стенать’), *смѣхъ* ‘1. смех, хохот; 2. веселье; 3. радость’ (ср. о.-с. **směxъ*, болг. *смяхъ* ‘1. смех’, чеш. *smích* ‘тж.’, пол. *śmiech* ‘смех, хохот’), *плескание* ‘1. рукоплескание; 2. радость, торжество’ и т.д.: ***Плакаться и рыданию подобають своихъ прѣгрѣшенихъ***. Панд. Ант. XI в. л. 108 [Срезневский, III: 210]. В этих случаях вторичная номинация эмоций опирается на метонимический принцип, отражающий «наивное» представление о базовых эмоциях, которые, являясь врожденными, характеризуются отчетливо выраженным физиологическим субстратом. Обобщенность семантики исходных эмотивных предикатов препятствовала специализации значения внешнего проявления эмоций, вследствие чего эту функцию брали на себя периферийные лексемы – параэмотивы, класс которых был неоднородным по своему составу. Так, выделяются языковые единицы, специально предназначенные для передачи представлений о разнообразных формах внешнего выражения эмоций: мимической, кинетической, фонационной, физиологической и т.д. Например, в древнерусском языке наиболее важными разновидностями фонационного выражения эмоций представляются *плач*: *слъзиту(-ся)* ‘плакать’ (ср. и.-е. **kleu-* : *klō[u]*- : *klū-* ‘полоскать, делать чистым’, болг. *сълзя* ‘слезиться’, чеш. *slzeti* ‘лить слезы’), *цвилити* ‘1. плакать’ (ср. о.-с. **kviliti*, чеш. *kviliti* ‘2. рыдать, стенать, причитать’, пол. *kwilić* ‘1. тихо (жалобно) плакать, плащать’), *изливатися слъзами* ‘плакать, рыдать’ (ср. болг. *заливам се от плач* ‘заливаться слезами’, пол. *zalać się łzami* ‘залиться слезами’) и др.: ***азъ же кльняхъся вседъръжителемъ бмъ. и многы излияхъ слъзы***. ПрЛ XIII, 144в [СДРЯ XI–XIV, 4: 33]; *смех*: *смиятися* ‘смеяться’ (ср. о.-с. **smějati (se)*, болг. *смея се* ‘1. смеяться’, чеш. *smáti se* кому, čemu ‘смеяться над кем-л., чем-л.’, пол. *śmiać się* ‘смеяться, хохотать’), *грохотатися* ‘хохотать’ (ср. о.-с. **groxotati*), *засмѣятися* (ср. болг. *засмея се* ‘засмеяться’, чеш. *zasmáti se* ‘тж.’, пол. *zaśmiać się* ‘тж.’), *грохотъ* ‘громкий смех, хохот’ (ср. о.-с. **groxotъ*) и др.; и т.д.

Четвертая глава «**Эмотивная лексика и фразеология в русском языке XV–XVII вв.**» посвящена анализу тенденций семантического развития эмотивной лексики и фразеологии в старорусском языке. Более глубокому пониманию этих процессов отчасти способствует обращение к неязыковым факторам, важнейшим среди которых является психологическая «самоидентификация» социума. В этом отношении особый интерес представляет конечный временной отрезок эпохи – XVII век, эмоциональной доминантой которого исследователи считают чрезвычайную подверженность человека страданиям; в свою очередь такое положение вещей во многом объясняется царившей в обществе жестокостью (В.Н. Топоров). Нельзя не принимать во внимание также эволюцию «наивно-психологических» представлений об эмоциональной сфере, запечатленных в литературно-художественных памятниках эпохи. «Экспрессивно-эмоциональный стиль», возобладавший в произведениях XIV–XV вв., допускает отдельные человеческие чувства, однако они обобщены, «лишены индивидуальных черт, не сочетаются друг с другом, не слагаются в цельную картину душевной жизни литературного персонажа» (Д.С. Лихачев). В XV–XVII вв. происходят существенные изменения в унаследованной из предшествующей эпохи системе

эмотивов, которые в основном подчиняются общим закономерностям развития словарного состава русского языка. Эти преобразования обусловлены, с одной стороны, значительным сокращением количества эмотивных лексем и устойчивых сочетаний, зафиксированных ранее, с другой – вхождением в употребление новых единиц. Так, происходит непрерывное уменьшение состава поля эмотивности, прежде всего за счет вариантных (параллельных) форм, например многочисленных композитов типа *благодарение, благовеселие, доброприяньство, купьнострадание, подобовръдие* и др. Однако, несмотря на существенное сокращение состава эмотивных микрополей, отмечается сохранение их формального и семантического ядра. Обогащение поля эмотивности новыми языковыми элементами происходит весьма интенсивно: так, по нашим подсчетам, в рассматриваемый период в состав микрополя радости входит около 80 новых лексем, в состав микрополя печали – около 120. При этом пополнение эмотивного фонда осуществляется в процессе формальной и семантической деривации главным образом за счет внутренних языковых ресурсов. Так, самую большую группу составляют лексемы, которые являются производными от общеславянских корней с семантикой эмоционального состояния/отношения либо от эмотивов, существовавших в древнерусском языке и продолжающих функционировать в изучаемый период. Эти слова, как правило, были образованы в соответствии с такими продуктивными способами формальной деривации, как суффиксальный и префиксальный.

Семантическая динамика эмотивов в русском языке XV–XVII вв. может квалифицироваться как логическое продолжение процессов, начавшихся еще в древнерусскую эпоху. Наиболее важные преобразования затрагивают сферу как глагольных, так и именных, адъективных, наречных лексем, однако изменения последних происходят, во-первых, менее интенсивно, во-вторых, с некоторыми отличиями. Вхождение в лексическую систему русского языка XV–XVII вв. новых обозначений эмоций ведет к возникновению дополнительной семантической дублетности внутри макро- и микропарадигм эмотивов. В то же время обогащение данных парадигм в ходе словообразовательных процессов сопровождается смысловым видоизменением как производящих лексем, так и их дериватов. Этим обусловлены преобразования структуры микрополей, в частности появление новых содержательных оппозиций. Так, наблюдается тенденция к дискретному обозначению различных аспектов чувства, действием которой объясняется частичное преодоление изначального семантического синкретизма эмотивов. Нами отмечены следующие проявления этой тенденции:

1. Если в предшествующий период многие эмотивы выступали в качестве обобщенных наименований целого ряда пограничных или отличных друг от друга чувств, то в XVII–XVIII вв. наблюдается более четкое их противопоставление по признаку субъективного качества эмоции, что ведет к специализированной номинации разных по содержанию внутренних переживаний. Вместе с тем отмечается сохранение диффузности значения большого числа эмотивов, способных называть диады и триады эмоциональных явлений, например: *дивити* ‘удивляться, недоумевать; испытывать недовольство’, *острастити* ‘1. причинить страдания; 2. утрашить, испугать’ (ср. о.-с. **obstrastiti*), *жаль* I ‘горе, печаль //

огорчение, досада' (ср. болг. *жал* '3. печаль, горе, скорбь', чеш. *žal* 'скорбь, печаль; горе', пол. *żal* '1. печаль, скорбь'), *неутѣшный* '2. безрадостный; 3. неласковый, грозный' (ср. болг. поэт. *неутѣшен* 'безутешный', чеш. *neutěšený* 'безотрадный, неутешительный'), *досадно* '1. мучительно, неприятно; 2. безл. в знач. сказ. досадно' (ср. болг. *досадно* 'досадно; скучно, неприятно') и т.д. Поскольку в значении приведенных и некоторых других слов отражаются представления о вполне закономерных с онтологической точки зрения «сочетаниях» эмоций, примеры чего были зафиксированы нами и в древнерусском языке, то можно говорить о рефлексах семантической архаики, которая была присуща эмоциям в более раннюю эпоху.

2. В исторической перспективе наблюдаются изменения внутри семантической структуры некоторых наименований эмоций. Так, весьма показательным можно считать развитие новых эмотивных значений, результатом чего является переход лексем из одних микрополей в другие и, следовательно, перегруппировка их компонентов, например: др.-р. *сгруппати си* '2. сердиться, возмущаться' → ст.-р. *сгруппати си* '1. огорчаться, печалиться'; др.-р. *озлобитися* '1. потерпеть зло, страдание' → ст.-р. *озлобитися* '3. огорчиться, опечалиться; 4. потерять терпение, прийти в отчаяние, озлобиться' (ср. болг. *озлобя се* 'озлобиться', чеш. *rozzlobiti se* 'рассердиться, разгневаться'); др.-р. *жалование* '2. печаль, скорбь' → ст.-р. *жалование* '3. благоволение, милость' (ср. пол. *żałowanie* 'жалость'); др.-р. *жалостно* '1. жалостно, вызывая жалость; 3. с сожалением' → ст.-р. *жалостно* '2. горько, тяжело, печально' (ср. болг. *жалостно* 'скорбно, печально') и мн. др. Гораздо больший интерес представляют исторические изменения в семантической структуре эмотивов, которые связаны не с номинацией других эмоциональных состояний/отношений, а с акцентированием различных аспектов одной и той же эмоции. Так, весьма характерным является возникновение у ряда эмотивных прилагательных новых значений (статальных, оценочных, каузативных и т.д.), не зафиксированных в предшествующую эпоху, например: др.-р. *сердитый* '1. вспыльчивый, гневливый, раздражительный' → ст.-р. *сердитый* '2. рассерженный, раздраженный'; др.-р. *прискорбный* '1. испытывающий скорбь, крайне опечаленный' → ст.-р. *прискорбный* '2. прискорбный, тягостный'; др.-р. *превозлюбленный* '1. очень любящий кого- или что-л.' → ст.-р. *превозлюбленный* '2. горячо любимый' и т.д.

3. В старорусском языке возникают более строгие оппозиции эмотивов по признаку интенсивности чувства, при этом отмечается асимметрия указанных парадигм, обусловленная преимущественной детализацией высокоинтенсивных эмоций, которая осуществляется в основном за счет формальных средств (в первую очередь, префиксального словообразования). Так, большой продуктивностью отличаются русские (восточнославянские) и старославянские приставки *пере-* (*пре-*, *пред-*), *ис-* (*из-*), *на-*, с помощью которых выражается семантика высокой/максимальной интенсивности чувства, например: *прерадоватися* 'радоваться в высшей степени', *исстрацатися* 'сильно испугаться', *издивоватися* 'много и упорно удивляться', *надосадити* 'сильно досадить кому-л.' и т.д.: ***Благочестивейшему, тишайшему... царю... АлексѢю Михайловичю... во мнозѣх кротости радоватися и прерадоватися и***

здравствовати. Д. патр. Никона, 3. 1659 г. [СлРЯ XI–XVII, 19: 36]. Выражение посредством производных эмотивов представлений о низкой интенсивности чувства носит менее регулярный характер; ср.: *подвеселится, пообвеселится* ‘стать слегка веселым, повеселеть’, *подвеселити* ‘слегка подвеселить’, *малосладостный* ‘мало приятный’ и т.д. Однако в исследуемый период обозначение той или иной степени интенсивности эмоций не было однозначно связано с процессом словообразовательной деривации. Так, отдельные эмотивы, включающие в свою структуру рассмотренные выше форманты, обозначают нормативную силу чувства, например: *превозвеселится* ‘возрадоваться’, *преужаснутися* ‘устрашиться’, *преудивление* ‘1. удивление’, *преудивительный* ‘удивительный, чудесный’ (ср. пол. *przedziwny* ‘2. дивный, удивительный’), *предрагий* ‘1. дорогой, любимый’, *презлбно* ‘злбно, со злостью’ и др. Кроме того, многие эмотивы, как и в предшествующий период, являются нейтральными к противопоставлению по такому аспекту, как интенсивность эмоций, то есть недифференцированно обозначают нормативную/низкую или нормативную/высокую силу чувств.

Специфические семантические преобразования отмечаются при обращении к тем или иным категориальным классам обозначений эмоций. В сфере глагольных лексем как изосемического класса эмотивов отмечаются наиболее существенные изменения, связанные с тенденцией к эксплицитному выражению ряда предикативных значений. Прежде всего, в русском языке XV–XVII вв. довольно сложные семантические отношения связывают возвратные и невозвратные эмотивные глаголы. Как и в предшествующую эпоху, те и другие обычно передают бытийное или инхоативное значение, причем примеры их смыслового тождества являются нередкими; ср.: *опасати* ‘1. чего опасаться, остерегаться’ – *опасатися* ‘тж.’ (ср. болг. *опасявам се* ‘опасаться, бояться’), *воздивити* ‘удивиться, прийти в изумление’ – *воздивитися* ‘тж.’, *оскорбѣти* ‘1. опечалиться, огорчиться’ – *оскорбѣтися* ‘тж.’ и др. В некоторых случаях отмечается смысловое расхождение невозвратных и возвратных эмотивных предикатов, которое проявляется в следующем. Те и другие могут входить в одно микрополе, однако акцентируют различные аспекты чувства, например: а) невозвратные глаголы имеют каузативное значение, а возвратные – бытийное, инхоативное или диатетическое (конверсное): др.-р. *жасити* ‘страшить, устрашать’ – ст.-р. *жаситися* ‘страшиться’; др.-р. *покоити* ‘1. дать/давать успокоение, покой’ – ст.-р. *покоитися* ‘1. обрести/обретать успокоение, покой, пребывать в покое’; др.-р. *обидѣти* ‘1. нанести/наносить моральный или материальный ущерб, оскорбить/оскорблять, притеснить/притеснять’ – ст.-р. *обидѣтися* ‘страд. к *обидѣти*’ (ср. болг. *обидя* ‘обидеть’ – *обидя се* ‘обидеться’) и т.п.: ***Коя ради вины попускаетъ богъ, праведень сый, обидѣтися преподобнымъ мужемъ отъ обидникъ и лихоимецъ.*** (Дионисий Ареопаг) ВМЯ, Окт. 1–3, 567. XVI в. ~ XV в. [СлРЯ XI–XVII, 12: 50]; б) невозвратные предикаты выражают бытийное или инхоативное значение, а возвратные – конверсное, и наоборот, например: др.-р. *почитати* I ‘1. проявлять внимание, уважение, почтение; чтить’ – ст.-р. *почитатися* I ‘быть почитаемым, чтимым’ (ср. болг. *почитам* I ‘1. чтить, почитать; проявлять уважение, почтение’, пол. *roczytać* ‘1.

почитать'); ст.-р. *пренебрѣчи* 'отнестись без внимания, с пренебрежением, пренебречь кем-, чем-л.' – ст.-р. *пренебрѣчися* 'быть пренебрегаемым, презираемым' и т.д. В целом же можно говорить о том, что в старорусском языке постепенно начинают формироваться семантические оппозиции возвратных глаголов с бытийной или инхоативной семантикой и невозвратных каузативных предикатов; ср.: *испужатися* 'испугаться' – *испужати* 'испугать'; *осрамитися* '2. устыдиться, испытать стыд' – *осрамити* '2. заставить устыдиться' (ср. о.-с. **obsormiti* – *obsormiti se*, болг. *осрамя се* 'осрамиться' – *осрамя* 'осрамить кого-л.');

обижатися 'чувствовать обиду, оскорбляться' – *обижати* 'обижать, притеснять' (ср. болг. *обиждам се* 'обижаться' – *обиждам* 'обижать') и пр.

Определенная смысловая эволюция характеризует именные эмотивы, которые в зависимости от синтагматического окружения выступают обозначениями не только самой эмоции, но и ее причины. В отличие от предшествующего периода, когда каузативное значение зачастую выделялось опосредованно и к тому же лишь у некоторых субстантивов, в XV–XVII вв. оно, во-первых, маркирует многие ядерные имена эмоций, во-вторых, получает статус самостоятельного ЛСВ в семантической структуре ряда существительных и толкуется словарями как 'то, что вызывает эмоцию': *радость* '1. радость, веселье; 2. то, что вызывает радость', *горе* '1. горе, несчастье, беда; 2. печаль, скорбь' (ср. чеш. книж. *hoře* 'горе, печаль, скорбь') и т.д.: (1440): ...*днесь у великого князя на Москвѣ радость...* Ерм. лет., 150 [СлРЯ XI–XVII, 21: 125]. Еще одним важным процессом можно считать образование довольно многочисленной группы именных эмотивов со значением лица, в том числе обозначающих: а) **субъекта эмоциональных процессов**: *многострадаець* 'тот, кто переносит много страданий', *нужникъ* I '3. страдалец, несчастный', *ненавиститель*, *ненавидець* 'ненавидящий что-л., ненавистник чего-л.' и под.; б) **объект чувства**: *милухна* 'милый, дорогой человек', *любимець* 'тот, кого любят, любимый, дорогой человек' (ср. о.-с. **l'ubitъсь*, болг. *любимец* 'любимец'), *любленица* 'любимица' (ср. о.-с. **l'ub(j)enica*, пол. *ulubieniec* 'любимец') и др.; в) **каузатора эмоций**: *оскорбитель* 'оскорбитель, обидчик' (ср. о.-с. **obskъrbitel'ь*), *досадник* 'обидчик' (ср. болг. *досадник* 'тот, кто досаждаёт, надоедает'), *отрадитель* 'тот, кто даёт успокоение, облегчение' и т.п.

Весьма интересные смысловые изменения претерпевают также наречные эмотивы. В исследуемую эпоху им присуще более гомогенное содержание в сравнении с адъективными эмотивами, поскольку они обозначают своего рода эмоциональный «фон», на котором совершается какое-либо действие, например: *Услышавше же людие слово се, боязненно въскорбѣша*. Библ. Остр., 41. 1581 г. [СлРЯ XI–XVII, 1: 307]. Однако однородности семантики противостоит отсутствие регулярных корреляций с адъективными и причастными формами, поскольку подобное соотношение характеризует лишь определенную часть наречий, например: *радостно*, *обрадованно* 'радостно, с радостью', *радостотворно*, *весело*, *боязненно*, *страшно*, *ужасно*, *неистовственно* 'в неистовстве, в исступлении', *любительно* 'дружелюбно, доброжелательно, с любовью', *докучно* 'скучно, утомительно' и т.д. В старорусском языке фиксируется более широкое употребление эмотивных наречий в предикативной

функции, но в данном качестве могло выступать лишь ограниченное число лексем; ср.: *радостно* ‘радостно’, *печально*, *кручинно*, *бѣднѣ* ‘горестно, печально’, *люто* ‘3. мучительно, тяжело’ (ср. чеш. книжн. *lítě* ‘люто, свирепо’), *нужно* кому ‘тревожно, беспокойно’, *мило* I ‘приятно, хорошо’ (ср. пол. *miło* ‘мило, хорошо; приятно’), *грубно* ‘1. обидно, досадно, неприятно; 2. враждебно’ и т.д.: (1465): *И всѣмъ бысть радостно о миру*. Псков. лет. II, 161 [СлРЯ XI–XVII, 21: 124].

В русском языке XV–XVII вв. большую группу новых элементов поля эмотивности составляют образные сочетания, которым (в отличие от древнерусского периода) в лексикографических источниках приписывается узуальный характер. Среди них в первую очередь выделяются фразеологизмы, включающие в себя имена эмоций в объектной или (реже) субъектной позиции, например: *быти въ опасѣ* от кого ‘опасаться, остерегаться кого-л.’, безл. *поставитися во гнѣвъ* ‘о состоянии, чувстве гнева’, *превратити (претворити) гнѣвъ на милость* ‘сменить гнев на милость, перестать гневаться’, *въ презрѣнне (презорство) положити (поставити)* ‘отнестись с презрением, оставить без внимания, пренебречь’, *безъ <всякого> зазору* ‘без (всякого) стыда’, *по <своей> любви* ‘а) по расположению, по любви’ и др.: *Литовские люди... войною хотятъ идти, и намъ бы отъ нихъ быть въ опасѣ*. ДАИ II, 23. 1613 г. [СлРЯ XI–XVII, 13: 6]. Не менее яркой образной основой характеризуются обороты с компонентами, представляющими собой символические имена-партитивы типа *душа*, *дух*, *сердце* и т.п., при этом отмечается превалирование ФЕ с компонентом *сердце*, которое свидетельствует о том, что данной лексеме отводится ведущая роль в символической репрезентации эмоций. Душа – это невидимый, нематериальный орган, который представляет собой средоточие внутренней жизни человека, всего первостепенно важного для данной личности; сердце же в отличие от души является лишь органом чувств и связанных с ними желаний человека, но не его внутреннего мира в целом (Е.В. Урысон); ср.: *сердце горитъ* ‘о состоянии сильного возбуждения, волнения’, *надрывати свое сердце* ‘сильно огорчаться, расстраиваться’, *обернути сердце* к кому ‘стать расположенным к кому-л.’, *сердце облегчити* ‘сменить гнев на милость, перестать сердиться’, *пожещи сердца* ‘привести в волнение, негодование’ и т.д. Интересно, что в число отмеченных имен «констант психики» входит лексема *мысль*, которая в составе устойчивых сочетаний участвует в репрезентации эмотивной семантики, например: *къ мысли кому быти, по чьей-л. мысли быти* ‘быть по душе’ (ср. чеш. *je ti to proti mysli* ‘это ему не нравится’ (букв. ‘это ему против мысли’), *býti dobré mysli* ‘быть в хорошем настроении’) и др. На наш взгляд, этот факт нельзя считать исключительным, поскольку и в древнерусском языке ментальные предикаты нередко выступали в качестве вторичных обозначений эмоций.

В пятой главе «**Эмотивная лексика и фразеология в русском литературном языке XVIII–XIX вв.**» рассматриваются направления семантической динамики эмотивов в указанный период, обусловленные влиянием экстра- и интралингвистических факторов. Аналогично предшествующей эпохе в XVIII–XIX вв. происходят не менее интенсивные количественные и качественные преобразования поля эмотивности: в числе первых можно назвать синхронные

процессы утраты определенной части его исходного состава и вхождения новых наименований эмоций; в числе вторых – закономерные семантические изменения этих единиц. В то же время данный хронологический отрезок можно рассматривать как своего рода этап «закрепления достигнутого», постепенной стабилизации и численности анализируемого множества, и спектра эмотивных либо пограничных значений его компонентов. Это обусловлено общими направлениями развития русского языка в XVIII–XIX вв., главным из которых является формирование литературного языка как единой и целостной системы. Национальный литературный язык этой эпохи, общенародный по своему характеру и стилистически разветвленный, представляет собой сложный сплав разных по происхождению и разновременных явлений (Р.А. Аванесов).

В русском языке XVIII–XIX вв. происходит существенное уменьшение состава поля эмотивности: так, отмечается активная утрата эмотивов (прежде всего, сложных лексем), которые с функционально-стилистической точки зрения были ограничены сферой книжно-славянской письменности: *доброе* II ‘благорасположение’, *злострастие* ‘страдание, мучение, горести’, *любоприятный* ‘доставляющий удовольствие, приятный’, *вселюбимый* ‘достойный любви, любимый всеми’, *любожеланно* ‘с любовью, по желанию’ и мн. др. Значительно сокращается также число избыточных форм, представляющих собой фонетические и словообразовательные параллели, например: *сострадовати* ‘сострадать, сочувствовать’, *весельство*, *весельствие* ‘веселье’, *любителство* ‘1. дружественные отношения, дружба, приязнь’, *гнушательство* ‘омерзение, отвращение’ и т.д. Однако, несмотря на утрату значительного числа обозначений эмоций, для поля эмотивности характерно не только сохранение большей части его первоначального состава, но и стабильность внутренней структуры: в XVIII–XIX вв. внутри данного множества представлены все микрополя, зафиксированные в русском языке старшего периода («радость», «печаль», «страх», «гнев», «удивление», «страдание», «обида», «любовь», «ненависть» и т.д.). Дальнейшее увеличение компонентов поля и их семантическое усложнение были обусловлены как внеязыковыми, так и внутриязыковыми факторами. Наиболее значимым среди первых можно считать произошедший в XVIII–XIX вв. мировоззренческий переворот в общественном сознании, результатом чего является своеобразное «открытие» человека, постижение сложности его внутреннего мира. К числу важнейших интралингвистических факторов, влияющих на изменение количественных характеристик поля эмотивности, относится усиленное (до избыточности) обогащение словаря с помощью разных способов номинации, которое ведет к множественности тождественных обозначений и широкой синонимии лексических средств (Г.В. Судаков). В соответствии с отмеченными тенденциями развития русского языка расширение состава поля эмотивности происходит за счет нескольких источников. Так, в отличие от предшествующего периода отмечается активное вхождение заимствований из западноевропейских языков; ср.: *импонировать* кому-чему (един.) ‘внушать уважение, удивление’ (ср. лат. *imponere*, через нем. *imponieren*, пол. *imponować* ‘импонировать, внушать уважение’, болг. *импонирам* ‘тж.’, чеш. *imponovati* ‘тж.’), *аверсия* (в т.ч. для кого-чего) ‘отвращение, неприязнь к кому-

чему-л.’ (ср. фр. *aversion*, пол. *awersja* ‘отвращение’, чеш. *averse* ‘тж.’), *ляменты* ‘плач, рыдание’ (ср. лат. *lamenta*, непоср. и через пол. *lament* ‘1. плач, причитание’, чеш. *lamentace* ‘жалобы, нарекания, сетования’), *гумор* ‘2. темперамент, нрав; расположение, настроение духа’ (ср. англ. *humor*, фр. *humeur*, через пол. *humor* ‘1. настроение’, болг. *хумор* ‘юмор’) и т.д.: ***Он нынѢ в дурном гуморѢ.*** [Даль, 1: 408].

Как и в предыдущие эпохи, в XVIII–XIX вв. обнаруживаются общие закономерности семантической эволюции поля эмотивности. К примеру, сохраняется и активизируется тенденция к эксплицитному выражению такого аспекта чувств, как субъективное содержание. Во-первых, этот процесс проявляется в том, что значительно сокращается количество полисемичных лексем, называющих несколько эмоций. Однако примеры, иллюстрирующие этот тип семантического синкретизма, в русском языке XVIII–XIX вв. все же встречаются довольно часто, при этом сочетания эмотивных значений, как правило, аналогичны тем, которые были зафиксированы в предыдущие периоды; ср.: прост. *кручиниться* ‘1. печалиться, горевать; 2. сердиться, гневаться’, *задор* ‘2. запальчивость, раздражение, стремление ввязаться в ссору, драку; 4. простор. зависть, досада’, *горячий* ‘2. перен. вспыльчивый, нетерпеливый, легко возбуждающийся; 3. перен. пылкий, страстный // к кому-чему предикат. любящий кого-л., сильно привязанный к кому-л.’ (ср. болг. *горещ* ‘3. перен. горячий, пылкий (нрав)’, чеш. *horoucí* ‘2. перен. горячий, пламенный’, пол. *gorący* ‘1. имеющий высокую температуру; очень теплый; 2. полный нежности, чувства, пыла; сердечный, страстный’) и др. Во-вторых, подтверждением активности данного процесса является языковое разграничение близких по субъективному качеству эмоций, которое намечается уже в старорусском языке, а в исследуемую эпоху становится более отчетливым. Например, внутри наименований положительных эмоциональных состояний более последовательным становится противопоставление двух групп предикатов: с одной стороны, лексем, обозначающих радость (то есть преимущественно духовную сторону позитивных переживаний): *радоваться* ‘быть радостным, чувствовать или изъяслять радость’, *ликовать* ‘радоваться, веселиться, торжествовать’ (ср. болг. *ликувам* ‘ликовать’), *красоваться* ‘1. слав. радоваться, веселиться’, *восторжествовать* ‘1. ощутить торжество, возрадоваться’ и т.д.; с другой – эмотивов, способных называть чувственную сторону положительных эмоций, а именно удовольствие, наслаждение: *наслаждаться* ‘вкушать высшее удовольствие, услаждаться, чувствовать наслаждение’, *нѢговаться* ‘неговать себя, быть в неге’, *услаждаться* чем ‘тешиться, чувствовать удовольствие’, *утѢшатся* чем ‘потешаться, забавляться, тешиться, чувствовать отраду, удовольствие’ (ср. пол. *ucieszyć się* ‘обрадоваться’) и др.: ***Мы услаждались теплой погодой, устрицами.*** [Даль, 4: 512]. Можно утверждать, что процесс семантической дифференциации эмотивов в зависимости от такого аспекта, как субъективное содержание эмоций, в русском языке XVIII–XIX вв. протекает довольно медленно и носит неоднозначный характер.

В исследуемый период отмечается более последовательная языковая репрезентация такого признака эмоций, как интенсивность, в первую очередь

высокая/максимальная. В отличие от старорусского языка, в котором номинация той или иной силы чувства не была прямо связана с использованием определенных словообразовательных элементов, по отношению к русскому языку XVIII–XIX вв. можно говорить о более регулярном выражении семантики интенсивности средствами формальной деривации. К примеру, в сфере эмотивных прилагательных с предикативным или квалификативным значением, а также соотносящихся с ними наречий и безлично-предикативных форм представление о высокой интенсивности эмоций передается с помощью префиксов *пре-*, *все-*, *наи-*, суффиксов *-Ѣйш-*, *-айш-*, *-ехонек-* и т.д., а значение небольшой силы чувства – посредством суффикса *-оват-*. При обращении к лексическим парадигмам, компоненты которых противопоставлены по признаку интенсивности чувства, отчетливо наблюдается семантическая асимметрия. Она проявляется, во-первых, в преимущественной языковой детализации высокоинтенсивных эмоций; во-вторых, в том, что лексемы, выражающие значение высокой или низкой интенсивности чувства с помощью словообразовательных средств, зафиксированы лишь в составе микрополей, включающих наименования базовых эмоций: радости, печали, страха, гнева, удивления и т.д., тогда как среди обозначений эмоциональных отношений (то есть вторичных, «культурных» чувств) такие единицы представлены довольно ограниченно. Однако отсутствие производных (префиксальных) глаголов со значением высокой или низкой интенсивности «культурных» эмоций компенсируется вхождением большого числа фразеологизмов с соответствующей семантикой; пополнение аналогичными единицами характерно и для других микрополей, например: *<будто> с виселицы сорвался* кто ‘1. о необузданно радостном, буйном человеке’, *бояться как огня, бояться как черт ладану (попа)* ‘очень сильно бояться’ (ср. пол. *bać się (unikać) jak diabeł święconej wody* ‘бояться как черт ладана’ (букв. ‘бояться (уклоняться) как дьявол святой воды’)), *как дикий звѣрь <разъяриться>*, *влюблен, как кошка* ‘очень сильно влюблен’ и мн. др.

Не менее интересные смысловые изменения отмечаются и при обращении к отдельным категориальным классам названий эмоций. Так, если в предшествующие эпохи семантические оппозиции глагольных эмотивов не всегда носили регулярный характер, то для русского языка XVIII–XIX вв. характерно более четкое их формирование, а также эксплицитное выражение. Прежде всего, следует отметить такую оппозицию, как **некаузативные – каузативные** предикаты эмоций. В древнерусском и старорусском языке каузативные глаголы были представлены довольно ограниченно, главным образом в составе микрополей базисных эмоций (радости, печали, гнева, страха и т.д.), однако и внутри этих парадигм отмечалась существенная диспропорция между некаузативными и каузативными предикатами, которая выражалась в значительном преобладании первых. В изучаемую же эпоху в сфере каузативов происходит резкий количественный скачок за счет вхождения большого числа не только лексических, но и фразеологических единиц. Следствием этого является формирование ряда семантических оппозиций, в том числе: 1) **исходные (базовые) предикаты – каузативы**, например: *радоваться* ‘быть радостным, чувствовать или изъяслять радость’ – *радовать* кого (ср. болг. *радвам се* ‘1.

радоваться' – *радвам* 'радовать', пол. *radować się* 'радоваться' – *radować* 'радовать; веселить'), *услаждаться* 'наслаждаться' – *услаждать* кого (ср. болг. *услажда ми се* 'мне нравится, приходится по вкусу'), *тревожиться* 'беспокоиться, заботиться, смущаться, опасаться чего' – *тревожить* кого (ср. болг. *тревожа се* 'тревожиться, волноваться; беспокоиться' / *тревожа* 'тревожить, волновать; беспокоить', пол. книжн. *trwożyć się* 'тревожиться' – *trwożyć* 'тревожить, пугать') и т.д.: **Он по всяком человеке болѢет и тревожится; Меня тревожат, что вестей нет от сына.** [Даль, 4: 427]; 2) **инхоативы – каузативы:** *развеселяться* – *развеселять*, *развеселиться* – *развеселить* кого (ср. чеш. *rozveseliti se* 'развеселиться' – *rozveseliti* 'развеселить', пол. *rozweselać się* 'развеселяться' – *rozweselać* 'развеселять, веселить', *rozweselić się* 'развеселиться' – *rozweselić* 'развеселить'), *разогорчиться* 'огорчиться сильно' – *разогорчить* кого, *разгнѢваться* 'прогневаться, осерчать, рассердиться' – *разгнѢвать* кого (ср. болг. *разгневя се* 'разгневаться, рассердиться' – *разгневя* 'разгневать, рассердить', чеш. *rozhněvati se* '1. рассердиться, разгневаться' – *rozhněvati* 'рассердить, разгневать') и т.п.; 3) **экспликативы – каузативы:** *смѢяться* – *смѢшить* (ср. о.-с. **směšiti*), *плакать* – *вгонять (вогнать) слезы в глаза, краснѢть(-ся)* '2. становится красным от прилива крови к коже; покрываться румянцем // стыдиться' – *ввести (привести, вогнать) в краску, краску в лицо втереть* кому 'заставить покраснеть; смутить, пристыдить' и т.п. В сравнении с предыдущими периодами отмечаются достаточно строгие семантические оппозиции внутри некаузативных предикатов, в том числе такое противопоставление, как **исходные (базовые) предикаты – инхоативы – финитивы**. Формирование данных оппозиций становится возможным в результате действия нескольких факторов. Прежде всего, существенно увеличивается состав инхоативов, которые представляют собой либо универбальные единицы, либо сочетания метафорического и метонимического характера. В числе первых выделяются формальные дериваты базовых предикатов эмоций, образованные префиксальным способом, при этом отмечается конкуренция словообразовательных средств, в частности приставок *воз-* (*вз-*), *за-*, *по-*, *раз-*, *при-* и т.д. Кроме того, инхоативное значение выражается посредством образных оборотов, внутри которых выделяются сочетания идиоматического характера, реализующие такие метафорические модели, как «эмоция – живое существо», «эмоция – вкусовое ощущение», «эмоция – пространственный объект» и др.: *воспринять (восчувствовать) радость, прийти в восхищение (радость, страх), грусть (горе, тоска, скука, страх, страсть, досада, зависть) берет/взяла (напала), ужас объял (оковал)* и т.д. В отличие от предшествующих периодов наблюдается также эксплицитное выражение финитивной семантики: например, в составе микрополя печали значение прекращения состояния репрезентируют глаголы *выгоревать, выкручиниться, выскорбѢть* 'скорбеть долго, много, до конца', *догоревать(-ся), перетосковать* о чем, *отгоревать, прогореваться* 'размыкать горе' и др. Примеры выражения финитивного значения компонентами других эмотивных микрополей немногочисленны; ср.: *отрадоваться, отсердиться, перестрадать, изгонять/изгнать страх, сердце отошло* у кого 'гнев прошел' и т.д.: **Одному Богу**

вБдомо, что я перестрадала! [Даль, 3: 86]. Еще одним примером семантических оппозиций внутри некаузативных предикатов является противопоставление языковых единиц с **бытийной семантикой**, с одной стороны, и **диатетическим (конверсным) значением** – с другой. При этом лексемы и фразеологизмы, относящиеся ко второй группе, представлены лишь в составе определенных микрополей (например, «удовольствие», «любовь», «отвращение» и т.д.), тогда как внутри других семантических парадигм они почти не фиксируются; ср.: *по сердцу* что кому ‘нравится’, *сердце лежит* к кому-чему ‘нравится, есть расположение к кому-, чему-л.’, *во вкусБ (по вкусу), на вкус быть (приятись)* ‘нравиться/понравиться кому-л.’ (ср. болг. *това е по вкуса ми* ‘это мне по вкусу, это мне нравится’, чеш. *přišel tomu na chut’* ‘это ему понравилось’) и пр.: [Лукерья:] *Избираемой для вас женишок не очень придет вам на вкус*. Врвкн 212 [СлРЯ XVIII, 3: 189].

Важным моментом в семантической эволюции эмотивных предикатов является вхождение в языковую систему большого числа приставочных глаголов (некаузативных и каузативных), выражающих различные количественно-временные способы действия. В русском языке XVIII–XIX вв. эмотивные предикаты, обозначающие те или иные способы действия, отражали в основном представления об эмоциональных состояниях и чрезвычайно редко – об эмоциональных отношениях. Вероятно, это можно объяснить тем, что с психологической точки зрения эмоциональные отношения характеризуются определенной стабильностью и глубиной, а потому не предполагают конкретной временной приуроченности. По этой причине среди способов глагольного действия ярко представлены лишь такие их типы, которые связаны с обозначением длительности эмоциональных состояний, в том числе **детерминативный**: *порадоваться, позабавиться, погоревать, погрустить, потосковать* (ср. пол. *potęsknić* ‘потосковать’), *погнБваться* (ср. пол. *rogniewać się* ‘3. ріевен czas посердиться’); *порадовать, помучить, потерзать* кого ‘терзать несколько, помучить’ и т.д.; **пердуративный**: *провеселиться, прогрустить, протужить, пробеситься, прозавидовать; повеселить, пробесить* и под. Семантика других способов глагольного действия отличается большей сложностью. К примеру, выделяется большая группа глагольных лексем, которые имеют значение **поглощенности состоянием**, то есть обозначают длительное и высокоинтенсивное переживание субъектом той или иной эмоции, например: *загореваться, загруститься, заскучаться, заскорбБться, затосковаться* (ср. пол. *zateęsknić się* ‘истосковаться, истомиться’), *затомиться* ‘истомиться, измучиться’, жарг. *залюбиться <до смерти>* ‘предаться продолжительной, самозабвенной любви’: [Граф:] *Влюбляться не мБшает, но только на один час, а то залюбишься до смерти*. Перем. нр. 67 [СлРЯ XVIII, 8: 11]. Кроме того, необходимо отметить такие способы глагольного действия, как **усиление интенсивности состояния** (*разгореваться, разгорюниться, разгруститься, разогорчиться, раскручиниться, раскрушиться, растосковаться, растужиться*), **смягчительность состояния** (*позагруститься, позатужиться*), **полнота состояния** (*затерзать* кого ‘замучить, измучить’, *затомить* кого ‘утомить, измучить ожиданием; истомить’, жарг. *залюбить <до смерти>* ‘2. утомить

любовью, причинить неудовольствие, огорчение' и т.д.). Таким образом, сопоставление с аналогичным лексическим материалом, представленным в древнерусском и старорусском языке, показывает, что по отношению к изучаемой эпохе можно вести речь не только о расширении репертуара глагольных способов действия, но и о том, что их языковое выражение приобретает системный характер.

Весьма интересные содержательные преобразования претерпевают также эмотивные прилагательные, при этом их семантическая эволюция носит довольно противоречивый характер. С одной стороны, в рассматриваемый период довольно велик удельный вес лексем, имеющих значение 'испытывающий эмоцию', причем многие из этих слов были унаследованы из древнерусского и старорусского языка. В русском языке XVIII–XIX вв. происходит дальнейший количественный рост эмотивных прилагательных с предикативной семантикой; ср.: *веселообразный* 'веселый', *грустный* 'испытывающий грусть, печальный' (ср. о.-с. **grustьnъ(jь)*), *скудный* 'невеселый, смутный, грустный, угрюмый, задумчивый, рассеянный, безучастный, малословный, скучающий', *малконтен* 'недовольный кем-, чем-л.' (ср. фр. *malcontent*, непоср. и через пол. *malcontent* '(вечно) недовольный человек, брюзга'), *влюбленный* 'чувствующий любовное влечение к кому-л.' (ср. болг. *влюбен* 'увлеченный, влюбленный') и т.д.: ***Что ты такъ скучень?*** [Словарь 1847, 4: 143]. С другой стороны, большинство указанных прилагательных подчинялось проявлявшейся и ранее тенденции к совмещению стательной или релятивной семантики с другими адъективными значениями, которые носили синтагматически обусловленный характер. В числе этих значений можно отметить: а) экспликативное значение 'выражающий эмоцию', которое актуализировалось в сочетании с лексемами *вид, взор, лицо, улыбка, вздох, голос, восклицание, слова* и т.д.: ***Султанъ гнѣвными словами укорял Султанишу.*** Маркиз II 47 [СлРЯ XVIII, 5: 140]; б) каузативное значение 'вызывающий эмоцию', которое реализовалось в составе оборотов, включающих широкий круг существительных, преимущественно с абстрактной семантикой (*сон, мысль, известие* и др.); в) эмоционально-оценочное значение 'исполненный эмоцией', которое выражалось благодаря сочетанию с отвлеченными именами типа *жизнь, состояние, время, день, час, удел, разлука* и т.п.: ***Жизнь маленького приемыша была самая горестная.*** Ж₂ 109.34 [Словарь языка Пушкина, 1: 515]. Тем не менее можно вести речь и о противоположной тенденции, то есть о специализации рассматриваемых значений и их закреплении за определенным кругом адъективов. К примеру, самый значительный в количественном отношении класс эмотивных прилагательных составляют лексемы с каузативным значением: *повсерадостный* 'весьма радостный для всех', *восхитительный* 'приводящий в восхищение, в восторг' (ср. болг. *възхитителен* 'чудный, дивный, очаровательный'), *утѣшительный* 'утешающий' (ср. болг. *утешителен* 'утешительный', пол. *rocieszajacy* 'тж.'), *огорчительный* 'оскорбительный, печалаящий; обидный', *удивительный* (ср. болг. *удивителен* 'удивительный, изумительный'), *докучливый* '2. вызывающий скуку, тоску' (ср. пол. *dokuczliwy* '1. надоедливый, назойливый') и мн. др.: ***Утѣшительныя вѣсти.*** [Даль, 4: 523].

XVIII–XIX вв. – это время активного вхождения в состав поля эмотивности фразеологических единиц, многие из которых представляют собой сочетания идиоматического характера. Во внутренней форме данных фразеологизмов запечатлены «наивно-языковые образы» эмоций, которые характеризуются специфической национально-культурной окраской. Так, самую значительную группу составляют сочетания глагольных и именных эмотивов, а также предикатов во вторичном значении с метонимическими существительными, символизирующими эмоциональные процессы, например *сердце, душа, дух* и т.п., при этом, как и в древнерусскую эпоху, отмечается доминирование фразеологических единиц, в состав которых входит последняя из названных лексем; ср.: *сердце раздирается* (ср. болг. *сърцето ми се къса от мъка* ‘сердце разрывается’, чеш. *srdce puká žalem* ‘сердце разрывается от жалости’, пол. *serce ręka z bólu* ‘сердце разрывается от горя’), *сердце кровью заливаётся* (ср. болг. *сърцето (ми) се облива с кръв* ‘сердце кровью обливается’, пол. *serce krwawi* ‘тж.’), *ровно камень на сердце налег* (ср. болг. диал., разг. *камък ми лежи (тежи, тегне) на сърцето (на душата)* ‘мучительно, тяжело от чего-л.’, пол. *cięży kamieniem na sercu* *komuś* ‘что-л. лежит камнем на сердце у кого-л.’), *трогать до сердца* (*до глубины сердца, до слез*) (ср. пол. *przejąć do głębi (do żywego)* ‘глубоко взволновать; взволновать (тронуть) до глубины души’) и т.д.: ***Благородной и пылкой в страстях своих Дон Карлос трогает зрителя до глубины сердца.*** Крм. ПРП I [СлРЯ XVIII, 6: 148]. Несмотря на то что лексема *сердце* служит символическим обозначением эмоций, в его семантике в имплицитной форме сохраняется представление о материальной сущности данного органа, в связи с чем можно вести речь о диффузности, размытости значения анализируемых фразеологизмов. В онтологическом плане эмоции представляют собой неразрывное единство психического и физиологического, причем данное взаимодействие особым образом «преломляется» в наивно-языковом сознании: так, в семантике указанных фразеологизмов значение состояния/отношения совмещается с экспликативным значением, которое связано с отражением внешних (в том числе физиологических) симптомов эмоций.

В шестой главе «Семантическое поле эмотивности в современном русском языке» анализируются итоги семантического развития поля эмотивности в русском языке и кратко характеризуется структура данного множества в его синхронном состоянии. Поскольку эмотивная лексика и фразеология современного русского языка довольно хорошо изучена (см., например, работы Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильева, Е.М. Вольф, Анны А. Зализняк и др.), то мы даем лишь общее описание данного семантического множества.

Поле эмотивности в современном русском языке в сравнении с предшествующими периодами претерпевает значительные количественные изменения, которые ведут к уменьшению его состава. Как свидетельствуют статистические данные, происходит сокращение его состава примерно на треть, в первую очередь за счет универбальных единиц. Например, наблюдается последовательная утрата ряда лексических эмотивов, которые с формально-смысловой точки зрения объединяются в несколько групп: 1) **префиксальные**

предикаты, обозначающие различные способы глагольного действия: детерминативный (*поблаженствоваться, помолиться, потруситься, пояриться, потерзаться* и т.п.), пердуративный (*прозабавиться, проблаженствоваться, прокручиниться, продивиться, прозавидовать* и др.), поглощенность состоянием (*загореваться, заскучаться, заскорбеться, затерзаться, затомиться*) и т.п.; 2) **отглагольные имена** со значением самого эмоционального процесса (*восторжение* II ‘восторг’, *горевание, опасание, возсвирЪнЪние, жалЪние, гнЪвание* и т.п.), его **субъекта** (*восторженник(-ница), ликователь(-ница), тоскователь(-ница), дивун(-ья)* и др.), **объекта** (*дивовище* ‘чему дивятся’, *завидище* ‘предмет, возбуждающий зависть’), **каузатора** (*порадователь(-ница), восхититель(-ница), страшитель(-ница), терзатель(-ница)* и т.д.), **действия**, направленного на каузацию чувства (*досаждение, обрадование, пополошение, ужасание, дразнение* и др.) и т.д.; 3) **глагольные и адъективные эмотивы** со значением высокой либо низкой интенсивности чувств (*преудивитися* ‘весьма, крайне, очень удивиться’, *прегорестнЪйший, скучным-скучнехонький* и др.; *поприскучить* ‘несколько надоест’, *кручиноватый, жалковатый* и т.д.).

Новые члены анализируемого поля в основном представляют собой формальные дериваты эмотивов, зафиксированных ранее, при этом отмечается преобладание глагольных и именных обозначений эмоций. Так, выделяется большая группа предикатов (обозначающих становление, каузацию эмоций, различную степень их интенсивности, разнообразные способы глагольного действия и т.д.), которые образованы посредством продуктивных префиксальных формантов *по-, при-, раз-, рас-, за-* и т.д. Среди новых субстантивных эмотивов весьма широко представлены лексемы с суффиксом *-ость*, успешно конкурирующим с теми формантами, которые в предшествующие периоды развития русского языка отличались высокой продуктивностью. Эти существительные обозначают либо сами эмоциональные явления, либо свойства и качества личности, связанные с частотой переживания определенных эмоций; ср.: *удрученность, встревоженность, рассерженность, разгневанность, сконфуженность, возбужденность, трепетность* и мн. др. Следует также отметить, что многочисленный пласт новых компонентов поля составляют устойчивые сочетания (в целом в современном русском языке наличествует более 1000 поливербальных обозначений эмоций, составляющих около 40% от общего числа эмотивов), парадигма которых является неоднородной с формально-семантической точки зрения. В отличие от предшествующего периода, когда в состав поля эмотивности входили в основном ФЕ с образной семантикой типа *опустить (повЪснуть) крылья* ‘опечалиться; отступить’, *огонь (пламя) течет (пылает) в жилах* ‘о сильнейшем волнении’, *растаять в нежностях* ‘умиляться’ и т.п., в современном русском языке широко представлены также аналитические глагольно-именные сочетания типа *испытывать радость, вызывать раздражение* и т.д., являющиеся результатом модификации расщепления (С.Н. Цейтлин). Такие перифразы различаются по своим структурно-семантическим параметрам: одни из них (например, сочетания с бытийным значением типа *испытывать радость (стыд, неприязнь* и т.д.), *питать отвращение (ненависть, злобу* и т.д.), *иметь уважение (почтение)* и подобные им) отражают

«парадигматическую асимметрию», которая заключается в десемантизации глагольного компонента (Г.Л. Другова); в других же оборотах глагольные предикаты выражают значения, не свойственные зависимым от них именам существительным, – каузативное, инхоативное, экспликативное и др.: *вызывать (возбуждать) радость (восхищение, восторг, тоску, уныние, страх, волнение, недовольство, ненависть, отвращение* и мн. др.), *завоевывать уважение, проявлять сочувствие* и т.д. Особое место среди оборотов с эмотивной семантикой занимают фразеологические единицы, в том числе: 1) фразеологические сочетания, в основе которых лежат образы, связанные с одушевлением либо с опредмечиванием абстрактных понятий: *питать уважение, досада (зло) берет, впасть в тоску (уныние), страх (ужас) охватывает* и т.п. В таких несвободных сочетаниях глагол несет информацию о характере протекания процесса или состояния, а имя существительное дополняет ее, указывая на содержательный аспект этого действенного плана (В.Н. Телия); 2) фразеологические единства, которые заключают в своем значении компоненты, отражающие «фонд общих знаний» говорящих об обозначаемой эмоции. Одни из них содержательно эквивалентны слову (*портить себе кровь – нервничать, раздражаться*), другие – свободному сочетанию (*лезть в бутылку (в пузырь) – раздражаться по пустякам*). С помощью таких неопредельных единиц устраняется лексическая и семантическая лакунарность. Так, заполнение лексических лакун заключается в том, что устойчивые сочетания, с одной стороны, возмещают отсутствие глагольных форм в некоторых микрополях (ср.: *неприятнь, вина, удовольствие – испытывать неприятнь, вину, удовольствие*), с другой – образуют лексико-грамматические парадигмы с глагольными формами, обозначая каузацию, становление, прекращение эмоции: *огорчать – приносить огорчения* (каузативность), *затосковать – впасть в тоску* (инхоативность), *доверять – терять доверие* к кому-чему (финитивность). Устранение семантических лакун происходит благодаря тому, что устойчивые сочетания имеют самостоятельную познавательную ценность, поскольку дескриптивным путем передают так называемые нерелевантные смыслы. К примеру, значительная часть идиом описывает внешние признаки эмоций, которые не обозначаются лексемами (ср.: *кровь леденеет в жилах, коленки дрожат, ног не чувать под собой от радости* и т.п.).

Одним из итогов семантического развития поля эмотивности является сохранение его ядерно-периферийного устройства, при этом равноправными ядерными конституентами поля в современном русском языке являются не только глагольные предикаты и их функциональные аналоги – сочетания устойчивого характера, но и языковые единицы других лексико-грамматических классов, а именно:

1. Предикативные формы типа *страшно, стыдно, грустно, обидно* кому и т.д., а также адъективы типа *радостный, веселый, грустный, спокойный, унылый* и др. в значении 'испытывающий какую-либо эмоцию'. Можно не согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что такие прилагательные обозначают статический, постоянный признак (в противовес динамическому, выражаемому глаголами): эмоции не являются собственными свойствами их

носителя, поэтому говорить об их постоянности вряд ли уместно. По нашему мнению, адъективы *грустный, невеселый, радостный* и другие обозначают результат эмоционального процесса, происходящего внутри чувствующего субъекта и находящего свое внешнее выражение. Об этом свидетельствует то, что в конструкциях с адъективными эмотивами является обязательным наличие «наблюдателя», фиксирующего внешнее выражение эмоции. Таким «наблюдателем» чаще всего является говорящий, поэтому в утвердительных высказываниях прилагательные *радостный, унылый* и т.д. требуют при себе местоимений 2-го или 3-го лица, тогда как использование местоимений 1-го лица воспринимается как ненормативное (ср.: *Он (ты) сегодня веселый* и **Я сегодня веселый*).

2. Имена эмоций типа *гнев, любовь, изумление, смущение*, которые принадлежат к типу субстантно-предикатных слов (М.В. Никитин), так как обладают сложной семантикой, образованной за счет сочетания признаков семы эмотивности с категориальной семой 'предметность'. Первичной является денотативная признаковая сема, а сема субстанциональности отражает языковую интерпретацию эмоциональных процессов, позволяющую представить их в виде некоего предмета. Двойственность семантики эмотивных существительных предопределяет их функциональную несамостоятельность: круг имен эмоций, способных употребляться в абсолютных конструкциях типа *Тоска!* или *Какая радость!*, чрезвычайно ограничен. Довольно редко употребляются также бытийные конструкции, актуализирующие статический аспект эмоций или погруженность в них, например: *Он в тревоге (в печали, в ужасе и т.п.)*. С одной стороны, это связано со спецификой денотата: такие конструкции образуются лишь эмотивами со значением состояния; названия эмоций, затрагивающих ценностные стороны личности или отношение к другим лицам, не могут выступать в бытийных конструкциях (ср. невозможность **Я в стыде, *Он в любви* и т.д.). С другой стороны, определенную роль играют внутриязыковые факторы нормативно-стилистического порядка.

Признание в качестве ядерных компонентов поля эмотивности слов разной частеречной принадлежности не исключает вопроса о том, какие из указанных единиц наиболее адекватно выражают эмотивную семантику. Ответ на этот вопрос связан, в свою очередь, с проблемой выявления так называемых исходных структурно-семантических моделей, с помощью которых осуществляется понятийная категоризация эмоций. Одни исследователи признают в качестве таковых конструкции типа *Кому-либо радостно (тоскливо, обидно, стыдно и т.д.)* как наиболее последовательно эксплицирующие названное значение. Другие полагают, что для обозначения «активных» и «пассивных» эмоций существуют разные модели: первые передаются в основном глагольными конструкциями, чаще всего с возвратными глаголами на *-ся*: *радоваться, ужасаться, восхищаться* и т.д., вторые – дативными предложениями типа *Ему было скучно (грустно, страшно и др.)* (А. Вежбицкая). На наш взгляд, исходными структурно-семантическими моделями выражения эмотивной семантики можно считать конструкции с глагольными эмотивами. Это подтверждается следующими фактами: 1) глаголы маркируют практически все микрополя СПЭ, тогда как

предикативные и адъективные формы ограничены в своем употреблении, выступают наименованиями лишь части эмоциональных явлений. К примеру, такие формы почти не употребляются для обозначения эмоционального отношения, за исключением предикативов *интересно, безразлично* кому что. Номинация эмоциональных состояний с помощью подобных конструкций также является нерегулярной; ср. невозможность **Мне смущенно (гневно, уныло, восторженно* и т.д.); 2) глагольные формы представляют эмоциональные явления в виде ситуации, следовательно, отражают связь, координацию участников этой ситуации.

В зависимости от ряда факторов ядро того или иного конкретного микрополя эмотивов в современном русском языке формируют слова либо всех названных частей речи, либо отдельных лексико-грамматических классов. В число названных факторов входят как собственно языковые (например, наличие или отсутствие эмотивов определенной части речи), так и экстралингвистические (субъективное качество эмоции, обуславливающее отнесение ее к типу активных/пассивных, интенциональных/неинтенциональных состояний и т.д.).

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования, а также намечаются перспективы дальнейшего изучения эмотивной лексики и фразеологии.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков): Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 344 с.

2. История эмотивной лексики и фразеологии русского языка: Монография. – Уфа: «Восточный университет», 2004. – 120 с.

3. Лингвистика эмоций: Электронное учебное пособие. – Уфа: «Восточный университет», 2005. – 123 с.

4. Семантическое микрополе страха в древнерусском языке // Теория поля в языкознании: Материалы заочного научно-теоретического семинара. Часть 6. – Уфа: РИО БашГУ, 2000. – С. 98–104.

5. К вопросу о языковом выражении эмоций // Язык образования и образование языка: Материалы Международной научной конференции. – Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2000. – С. 130–131.

6. Прагматические категории языка и их взаимосвязи // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сборник научных статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2001. – С. 114–119.

7. Средства обозначения психологического состояния в русском языке XVIII–XIX вв. (на материале семантического микрополя радости) // Исследования по семантике. Вып. 23. – Уфа: РИО БашГУ, 2001. – С. 186–195.

8. О суггестивном потенциале художественного текста // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы Международной научно-теоретической конференции. – Курск: Российский открытый социальный институт, 2001. – С. 45–48.

9. Структурно-семантическая специфика эмотивной фразеологии русского языка // Фразеология в аспекте науки, культуры и образования: Материалы Международной конференции, посвященной 75-летию д.ф.н., проф. А.М. Чепасовой. – Челябинск: Челябинский ГПУ, 2001. – С. 246–251.

10. О психологической и лингвистической трактовке эмоциональности // Форма, значение и функции единиц языка и речи: Материалы Международной научной конференции. – Минск: Минский ГЛУ, 2002. – С. 65–67.

11. Лексико-семантическое поле эмотивности в древнерусском языке // III Славистические чтения, посвященные памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2002. – С. 48–50.

12. Фреймовый подход к анализу эмотивной лексики в художественном тексте // Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов: Тамбовский ГУ, 2002. – С. 328–331.

13. Лексико-фразеологические эмотивы страха в русском языке XV–XVII вв. – Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Сборник научных статей. – Владикавказ: Северо-Осетинский ГУ, 2002. – С. 194–200.

14. Эмотивы страха в русском литературном языке XVIII–XIX вв. // Межкультурные коммуникации: Сборник научных трудов. – Челябинск: Челябинский ГУ, 2002. – С. 183–193.

15. Прагматические категории языка и их взаимосвязи // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сборник научных статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2001. – С. 114–119.

16. Функциональная характеристика эмотивной лексики русского языка (на материале литературных памятников XV–XVI вв.) // Слово в его истории и функционировании: Межвузовский научный сборник. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – С. 169–173.

17. Лексическая репрезентация эмоционального состояния радости в древнерусском языке // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сборник научных статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – С. 96–105.

18. К вопросу о языковой дифференциации эмоций // II Международные Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы. – Т. 1. – Казань: Казанский ГУ, 2003. – С. 148–150.

19. Семантическая специфика эмотивов радости в старорусском языке // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы 2-ой Международной научной конференции. – Челябинск: Челябинский ГУ, 2003. – С. 338–341.

20. Концептосфера эмоций в болгарском языке (на материале произведений современной поэзии) // Методика преподавания славянских языков как иностранных с применением технологии диалога культур: Материалы Международной научной конференции. – Томск: Томский ГПУ, 2003. – С. 134–139.

21. К семантической истории эмотивов печали (на материале русского языка XVIII–XIX вв.) // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I Международной научной конференции / Институт языкознания РАН, Тамбовский

государственный университет им. Г.Р. Державина, Институт исследования и развития литературных процессов в Австрии и в мире (Вена, Австрия). – Москва – Тамбов: Изд-во Тамбовского ГУ, 2004. – С. 434–442.

22. Эмоции и речевое мышление // Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение: Труды Международной научной конференции. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – С. 107–110.

23. Знаковая экспликация эмоциональных переживаний в процессе межкультурной коммуникации // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы VI Международной научно-практической конференции / Институт международных связей. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. – С. 108–114.

24. Формально-семантические особенности эмотивов печали в русском языке XV–XVII вв. // Язык образования и образование языка: Межвузовский сборник научных трудов. – Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2004. – С. 42–43.

25. Концепт «любовь» в лирической прозе И.А. Бунина // Проглас: Филологическое списание. 2000–2004. – Велико Тырново: Великотырновский университет им. Св.св. Кирилла и Мефодия, 2004. – С. 191–197.

26. Эмоциональный фрагмент русской языковой картины мира: возможные аспекты описания // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы III Международной научно-практической конференции. 22–24 апреля 2004 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – С. 27–30.

27. Экспрессивность и эмотивность: интегральное и дифференциальное // Система языка в статике и динамике: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа: Башкирский ГУ, 2005. – С. 107–110.

28. Рецензия на «Системный семантический словарь русского языка» Л.М. Васильева // Вопросы языкознания. 2005. №4. – С. 139–143.

29. «Наивные» образы чувств в чешской фразеологии // Русский язык в межкультурном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 194–198.

30. О тенденциях семантической эволюции эмотивной лексики и фразеологии русского языка (на материале микрополей радости и печали) // Вестник БашГУ. 2005. №3. – С. 53–55.

31. О семантической диффузности эмотивных лексем (на материале древнерусского языка) // Литература, язык и художественная культура в современных процессах социокультурной коммуникации: Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 148–155.

32. О семантической деривации в сфере эмотивной лексики и фразеологии русского и других славянских языков // Проблемы преподавания русского языка в Российской Федерации и зарубежных странах: Материалы международной конференции. – Т. 1. – М.: Центр международного образования МГУ, 2005. – С. 125–129.

33. О некоторых содержательных характеристиках эмотивной фразеологии польского языка // Россия – Польша: филологический и культурно-исторический дискурс: Материалы Международной научно-практической конференции. – Магнитогорск: Магнитогорский ГУ, 2005. – С. 199–204.

34. Феномен эмотивно-прагматического потенциала языковых единиц в свете теории речевого воздействия // Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ГУ, 2005. – С. 538–543.

35. Взаимодействие оценочного и эмотивного содержания в семантике языковых единиц // Вопросы филологических наук. 2005. № 4. – С. 85–88.

36. «Культурные сценарии» эмоций в древнерусском языке // Вестник Центра международного образования МГУ. 2005. № 5. – С. 8–12.

37. Лексика предметного мира как источник метафорического обозначения эмоций (на материале польского, чешского и болгарского языков) // Полоника: от языка – к культуре: Сборник статей участников Российской научно-практической конференции (Уфа, 27–28 мая 2006 г.). – Уфа: Виртуал, 2006. – С. 10–15.

38. Вторичные предикаты эмоций в польском языке // Предложение и слово: парадигматический, коммуникативный и методический аспекты: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 2006. – С. 458–461.

39. Взаимосвязь эмоций и речевого мышления как отражение интегративного характера психической деятельности // *Linguistica juvenis*: Язык и культура. Вып. 7. – Екатеринбург: Уральский ГПУ, 2006. – С. 108–118.

40. О соотношении вербального и невербального выражения эмоций в процессе речевой коммуникации // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы: Материалы Международной научно-методической конференции: В 2 ч. Ч. 1. – М.: МГУС, 2006. – С. 205–210.

41. Коннотация как лингвистический феномен // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2006. №3. – С. 181–187.

42. Когнитивная составляющая языка эмоций: к вопросу о «языке выражения» vs. «языке описания» // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сборник материалов. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ГУ, 2006. – С. 235–238.

43. Аспекты изучения коннотации как лингвокультурологического феномена // Русский язык в полиэтнической среде: социокультурные проблемы лингвистического образования: Материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 235–240.

44. Диахронический аспект семантической деривации (на материале эмотивной лексики древнерусского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2006. №5. – С. 21–28.

45. Современные трактовки категории эмотивности // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2006. №5. – С. 71–80.